

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА



ПОКА ЦВЕТЕТ
ЛОТОС

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Андреева

Пока цветет лотос

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Пока цветет лотос / Н. В. Андреева — «Автор», 2016

ISBN 978-5-17-099222-5

«Помнится, супруга моя... про лотос рассказывала. Я запомнил только, что цветет он всего два дня. Наверное, потому, что такой особенный и очень красивый. Так вот: времени у меня – пока цветет лотос. Иначе я тоже отцвету. Причем навсегда...» Порой время сжимается как пружина и превращается в короткие, хлесткие, как удар плетки, секунды. Потом эта пружина распрямится, и время вновь потечет по своим неторопливым законам. Но то, что ты сделал в эти мгновения, уже не изменить, не исправить. Безоблачные отношения любящих супругов вдруг начинают рушиться. Появляются недоверие, ревность, слезки и убийство... Значит, не все было так уж замечательно? Мужчине и женщине надо пройти через испытания и научиться слышать друг друга.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099222-5

© Андреева Н. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Инь	6
Поза посвященного мудреца	6
Поза спящего Шивы	10
Поза кобры	15
Поза воина 1	21
Поза воина 2	26
Поза черепахи	33
Поза орла	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталья Андреева

Пока цветет лотос

Символ Инь-Ян показывает, как с виду противоположные силы взаимосвязаны и взаимозависимы в природе и как они порождают друг друга

© Андреева Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Инь

женская, пассивная, принимающая, темная, мягкая

Поза посвященного мудреца

– Я хочу знать правду!

– Какую именно правду?

Мой собеседник упорно смотрит на стол, заваленный бумагами, в то время как я не менее упорно пытаюсь просверлить взглядом дырку во лбу у сидящего напротив мужчины. «Ну, посмотри же на меня! Посмотри! В глаза посмотри!» Я нашла его по Инету. Господи, чего там только не найдешь! Какой только дряни! Вот я и нашла... Проблем на свою бедную голову, как в сердцах сказала мне одна из многочисленных подруг. Я – человек открытый и общительный. Как все говорят, солнечный. И подруг у меня не счесть. Они меня искренне жалеют и стараются помочь своими советами.

Хотя с этим человеком мне совсем не хочется общаться. Но приходится. Он – детектив. Или частный сыщик? Следак? Сыскарь? Как его называть-то, чтобы не обиделся? Потому что он копается в грязном белье своих клиентов. За деньги. Я наняла этого детектива с месяц назад, а теперь передо мной лежит отчет, из которого следует, что мой муж – ангел во плоти. Хотя я прекрасно знаю, что это не так. У меня есть доказательства: супруг далеко не ангел. А скорее сам дьявол. Первыми меня натолкнули на эту мысль опять-таки подруги. Спасибо им!

– Сколько, говоришь, вы женаты? Четверть века? И все это время он тебе не изменял, постоянно дарил цветы, заваливал подарками, не заставлял работать, да вы еще и любовью занимаетесь дважды в неделю? Все четверть века? Он точно тебе врет! Грехи замаливает! Да ты посмотри на него! У него же на лбу плакатными буквами написано, что он кобель!

Должно быть, я не умею читать плакатный шрифт, потому что ничего такого не вижу. Мужчина как мужчина. Хотя... Мой муж очень хорош собой. Он высокий, волосы темные и густые, без малейшего намека на лысину, у него большие глаза, можно подумать, что карие, но на самом деле они чернильного цвета, просто очень глубокие, но никому не придет в голову рассматривать в упор моего мужа с целью выяснить, какого цвета у него глаза. Едва взглянув Андрею в лицо, люди тут же отводят взгляд, особенно женщины. Именно поэтому я верю своим подругам. Они-то умеют читать плакатные буквы!

Второй звоночек – эта загадочная фраза, которую Андрей постоянно говорит мне со своей странной улыбкой:

– Неведение – это блаженство, правда, милая?

Это из «Матрицы». Есть такой фантастический фильм, и я его ненавижу. За эту фразу. Неведение – блаженство? Неужели? О чем ты молчишь, Андрей?!

Есть еще Света...

Мы с мужем частенько ездим за границу, он меня балует. И каждый раз:

– Не забыть купить подарок Свете.

Или:

– Погоди, я блок сигарет в дьюти-фри прихвачу. Света просила.

Я почему-то всегда должна помнить о Свете. О том, что она курит, что ей нравится кофейный скраб для тела и духи с ароматом ванили. Ненавижу ваниль! А заодно и Свету. Ведь это третий звоночек. На вопрос «кто такая Света?» мой муж все с той же странной улыбкой отвечает:

– О! Это незаменимый человек! Все свои тайны я могу доверить только ей.

Однажды я не выдержала и спросила:

– Сколько ей лет, твоей Свете?

На что супруг невозмутимо ответил:

– Двадцать пять.

Вот вы бы что на моем месте подумали? То-то.

Еще один факт: у мужа два мобильных телефона. Один рабочий, а в другом, как говорит Андрей, живу я. На дисплее красуется моя фотография, в вечернем платье с глубоким декольте. Андрей охотно и с гордостью всем ее показывает, говоря при этом:

– Посмотрите, какая красавица моя жена!

Вопрос спорный. Лично мне отражение в зеркале никогда не нравилось. Я тут же начинаю находить у себя массу недостатков и обращаю внимание лишь на вскочивший недавно прыщ, игнорируя все остальное. К примеру, глаза, которые, как утверждает супруг, очень красивые. Из-за алеющего на подбородке прыща красоту глаз я оценить не способна. И подружки, глядя на меня, тяжело вздыхают:

– Какая же ты мелкая!

И тут же принимаются обсуждать мои морщины, кои, по мнению подруг, к сорока годам превратившихся в очаровательных толстушек, портят всю картину. То есть меня. У подруг морщин нет, а есть гладкие лбы, круглые щеки и румяные губы. А я – мелкая. А тут еще Света, которая курит и которой двадцать пять. И два телефона. Короче, я наняла детектива.

Он, кстати, сразу понял, что мне надо. Кисло спросил:

– За супругом хотите проследить? Думаете, он вам изменяет?

– Думаю, да.

– Понятно...

А теперь мне пытаются всучить отчет, из которого следует, что Андрей мне верен и никакого криминала за ним не числится! Все понятно: муж его тоже запугал, частного детектива. Андрей, он такой. Он жмет штангу в том же фитнес-центре, где я даю уроки фитнес-йоги. У мужа годичный абонемент, который был приобретен сразу после того, как я устроилась в клуб на работу. Переодевшись в спортивный костюм, Андрей сначала жмет штангу лежа, раз двадцать, потом стоя, еще раз двадцать, а потом идет на тренажер, и его тоже жмет, пока хватает сил. Я подозреваю, что после регулярных упражнений со штангой и занятий на тренажерах удар мужа, если вдруг Андрею захочется кого-то ударить, – это верный нокаут. Другие тоже об этом догадываются, но проверить на деле никто не хочет. Коли уж случается дорожный инцидент (кто-то подрезал или дорогу не уступил), Андрею достаточно вылезти из машины со словами:

– Какие-то проблемы?

И расправить плечи. Проблемы сразу рассасываются сами собой. Всем понятно, что мужик крутой. У него крутая тачка, а рядом сидит блондинка. Я подозреваю, что и пистолет в машине есть. Так, на всякий случай. Дома он точно есть, и не один, Андрей обожает оружие. А теперь скажите, правильно ли я сделала, что наняла детектива? Просто надо было найти кого-нибудь покруче. Посмелее и поспортивнее, что ли. Если Вадим (так зовут детектива) следил за моим мужем, то, увидев такого громилу, наверняка испугался. Представил себя на месте штанги и сдулся. А мне теперь что прикажете делать?

– Живи спокойно, сладкая моя, и помни, как тебе повезло.

Это неизменный ответ мужа на вопрос, хватит ли у нас денег? На поход в ресторан, на поездку за границу, просто дожить до конца месяца. Кстати, этот вопрос вызывает у мужа дикий хохот.

– Дожить... куда?

Это неправильно. У меня такое ощущение, что я – ширма. Муж упорно не хочет говорить, откуда у него деньги. То есть он говорит, что работает. Исполнительным директором какого-

то холдинга. По словам Андрея, без продукции этого холдинга вся промышленность в стране остановится, экономика войдет в ступор, а реки потекут вспять. Хотя я до сих пор не могу понять, чем именно занимается холдинг? О работе мой муж говорит много и охотно. Лицо у него при этом озабоченное.

«Такого-то надо уволить». Потом: «Такого-то обязательно надо взять». «Завтра венгры приедут». «Мне надо смотаться в Белоруссию». Или: «Слышишь, у Ленки Василькова классный спиннинг, мужик заядлый рыбак, надо бы с ним поближе сойтись». Из этих фраз совершенно непонятно, откуда берутся деньги. На конкретный вопрос в упор: «Чем ты занимаешься?» – Андрей, разумеется, со своей любимой улыбкой, полутень, глаза прикрыты огромными ресницами, отвечает: – «Решаю проблемы».

Твою мать! Да само словосочетание «исполнительный директор» вызывает у меня дрожь! Я представляю себе, что он там исполняет, если ему каждый день надо выжимать штангу! Рядом со мной живет чудовище, мы спим в одной постели, едим за одним столом, я родила ему сына, и я до сих пор не знаю его тайну! Когда он, собственно говоря, превращается в чудовище? Он оборотень, со мной – принц, а точнее сказать, король, из возраста принца Андрей давно уже вышел. Да и из статуса «высочество» вырос тоже. Теперь он Величество! Но стоит ему переступить порог нашего дома...

Я с ужасом представляю, как Андрей навинчивает глушитель на дуло пистолета. Или как со странной своей улыбкой решает проблему плохих долгов. Как едет в ресторан со Светой. А потом к ней домой. Как они занимаются любовью. Как Ленка Васильков падает из лодки в ледяную воду, напрасно цепляясь за спиннинг. И прочие ужасы.

– Вадим, вы должны мне помочь.

– Послушайте, Стефания Алексеевна, зачем вам это надо? Спокойная сытая жизнь надоела, да?

Он наконец-то поднимает на меня взгляд. В нем – ненависть. Или мне так кажется? Во всяком случае, взгляд недобрый. В нем ясно читается: отвяжись!

– Я просто хочу знать правду.

– Ну, хорошо, – он тяжело вздыхает. – Если вы так настаиваете... но помните: я вас предупреждал. Правда вам не понравится. У вас есть деньги?

– Вы хотите сказать, свои деньги? – Я ловлю мяч на лету. – Да, я работаю.

Он криво усмехается, а я чувствую, как щеки заливает краска. Потому что работой это можно назвать условно. Как-то так получилось, что я много лет ходила на йогу, и в один прекрасный день мне предложили заменить заболевшего инструктора. Я, конечно, ужасно испугалась, но мне вежливо объяснили, что последовательность упражнений я давно уже знаю наизусть, надо всего лишь поменять место дислокации. Сесть не на коврик в зале, а на коврик перед зеркалом. То есть на то место, где обычно сидит инструктор. В позе лотоса. Которую я с год назад успешно освоила, так что и меня вполне можно принять за инструктора. Так оно и повелось. Нет, йогу я не веду, у меня нет на это права и духовной силы. Я веду фитнес-йогу. То бишь безыдейно, без привлечения души. Просто для тела, чтобы поддерживать форму. Клубов в Москве все равно что грибов в лесу, инструкторы нарасхват, и на отсутствие у меня духовного звания закрывают глаза. А корочки инструктора и прочие регалии... Господи, чего только не купишь в Инете!

Платят мне скромно, хотя, к моему огромному удивлению последнее время мои уроки пользуются у членов фитнес-клуба большой популярностью. Так что мне даже дали парочку платных занятий. И подумать только, народ туда валит! Говорят, что я человек солнечный, особенно тянутся ко мне бабули, которые очень хотят приобщиться к йоге, но стесняются. Я даю им уроки йоги-старт. Базовый уровень. Я упорно отнекивалась, когда хозяин клуба уговаривал меня на платные занятия. Брать с пенсионеров деньги?! Это же преступление! Но Александр Иванович мне сказал:

– Стеша, запомни: тут бедных нет. Они все москвичи, живущие в пределах Садового кольца, многие сдают квартиры, у других – обеспеченные дети. Ты бы видела, на каких машинах они сюда приезжают! Расстанься ты со своими комплексами.

Но мне все равно стыдно спрашивать у бабулей, оплатили ли они мое занятие? Я и не спрашиваю. И никаких записей не веду. Хозяин клуба мне это почему-то прощает.

Это я рассказываю исключительно для того, чтобы вы поняли, откуда у меня свои деньги платить частному сыщику. Следить за мужем на деньги мужа – это как-то... Безнравственно, что ли. Чем я тогда лучше его? Зато теперь мне есть чем жить, если дело дойдет до развода. Я даже поеду в Тибет, за духовным званием. Лотос в наличии, шпагат тоже, надо еще идейно приобщиться, научиться медитировать и впустить в себя Добро. Но сначала неплохо бы изгнать Зло. А зло – это мой муж.

– Да, у него есть любовница, – Вадим тяжело вздыхает.

– Света?

– Это вы о его правой руке? Девушка пробивная.

– Как?! Это не Света?!

– И она тоже... – детектив явно мнетя. Потом наконец говорит: – Хорошо, я достану вам фотографии. Только, Стефания Алексеевна, давайте сразу договоримся. Это только для вас. Понятно?

– Вы боитесь моего мужа?

– Да. Боюсь, – он поежился. – И я бы с удовольствием послал вас к черту...

– Но вам нужны деньги?

– В отличие от вас, работа меня кормит. Я ею дорожу. Поэтому готов связаться с самим чертом. Лишь бы вы об этом не пожалели.

– Я вовсе не такая безобидная, как может показаться на первый взгляд.

– Я очень на это надеюсь.

Вот так и началась эта история. Он был прав: я пожалела. И Андрей был прав: неведение – это блаженство. Но обратной дороги, как известно, нет. Я ступила на путь, который привел меня к гибели. И даже за это заплатила. Своими деньгами, честно заработанными. Когда я это вспоминаю, мне хочется смеяться и рыдать одновременно. Мне просто надо было взять отчет, заплатить, развернуться и уйти. И поставить на этом точку. И будь я проклята, что этого не сделала!

Поза спящего Шивы

Буквально два слова о том, как я оказалась в такой непростой ситуации. История моего замужества и четверть века безоблачного счастья, краткий курс. Кому-то должно было повезти. Пока живо человечество, принцы на белом свете не переведутся. Они, безусловно, есть, эти идеальные мужчины, и они не могут долго оставаться одни. Им надо жениться и размножаться. А для этого принцу надо выбрать женщину. Это все равно что розыгрыш в лотерею счастливого приза. Какой-то номер выигрывает, пусть он один на миллион.

И вот его вытащила я. Мне ничего не пришлось для этого делать, абсолютно. Мы жили в студенческом общежитии, Андрей ходил к моей подруге. Больше у меня таких подруг нет, с тех пор я дружу исключительно с порядочными женщинами. Эта же была проституткой. Мы поселились в одной комнате, ведь на первом курсе, как известно, соседей не выбирают. На девушке же не было написано, что она проститутка, когда мы селились? Элька и меня хотела вовлечь в свое позорное занятие, да появился Андрей.

На следующий день я и занялась йогой. Мне во что бы то ни стало надо было выровнять дыхание, потому что при виде моего будущего мужа сердце замерло, едва Андрей открыл дверь в нашу комнату и сказал: «Привет!» Я увидела его и умерла, так он был красив. После этого я сидела на кухне, по-турецки скрестив ноги, и занималась пранаямой, то есть усиленно дышала, пытаясь запустить свое сердце, а моя подруга с Андреем в это время за закрытой дверью занимались известно чем. Кстати, там было подозрительно тихо. Когда он занимается любовью со мной, то кричит. Все это очень странно. Тайны начались еще тогда, но я не придавала этому значения.

Прошел месяц, за который мы не сказали друг другу и десяти слов. Андрей приходил к моей подруге, а я усиленно дышала на кухне или шла гулять, если погода была хорошая. Однажды мне было так плохо, что я гуляла под проливным дождем, и если бы не йога, наверняка оказалась бы в больнице с воспалением легких. Вот до чего довела меня любовь. Но в один прекрасный день Андрей пришел, а моей соседки не оказалось дома. Оказалась я, на кухне, сидя по-турецки. Андрей улыбнулся и попросил разрешение подождать мою подругу. Я согласно кивнула и предложила ему чаю. Он с радостью согласился.

Минут десять Андрей молча пил чай, как он потом сказал мне, собиравшись с мыслями. А потом поставил пустую чашку на стол и со своей загадочной улыбкой сказал:

– Ты очень красивая.

У меня чуть не вырвалось: «Шутишь?!» Конечно, нельзя сравнивать мужчину и женщину, но если уж на то пошло, то я Андрею и в подметки не гожусь по части внешности. Как только он стал появляться в нашей комнате, у моих бесчисленных подружек разом закончились спички и соль. И они стали зависать у нас на два, а то и на три часа, эти подружки. И я их понимаю. Я и сама была в таком же состоянии, пока Андрей не предложил мне выйти за него замуж. Пялилась на него с бессмысленной улыбкой на лице и мучительно вспоминала, куда засунула спички? Это притом, что плита на кухне электрическая!

Короче, когда вернулась Элька, делать ей в нашей компании было уже абсолютно нечего. Наверное, это любовь. Мое сердце за четверть века так и не запустилось. Я почти не помню этих лет, они слились в один огромный счастливый день.

Андрею как-то сразу стало везти. Он говорит, что я – его счастливый талисман. Есть такая странность: как только я что-то покупаю, у прилавка моментально выстраивается очередь. У меня хорошая карма, вещи, к которым я прикасаюсь, приобретают особый смысл. Взять занятия йогой, которые я веду. Непроста ведь народ туда валит? Говорят, люди чувствуют удачу. Это все равно что потрогать белого слона. Я – этот слон. Денег со своей кармы почти не имею, но имею Андрея.

Встречались мы недолго. Андрей сказал, что не оставит меня в этом «гнезде разврата», я бриллиант, и мне нужна достойная оправа, пусть даже для этого ему придется ограбить банк. Тогда я приняла его слова за метафору, но теперь...

Мы поженились, сняли комнату, потом квартиру, потому что родился Степан Андреевич. Тут надо бы пояснить. Дело в том, что меня зовут Стефанией. Фамилия и отчество у меня самые заурядные, а вот имя нет. Мамочка, что называется, выпендрилась. Она растила меня одна, без отца, которого бросила, потому что он крепко пил. Женщины из неблагополучных семей довольно часто дают своим детям экзотические имена. Скрашивают, таким образом, их серые будни. Пусть она селедкой на рынке торгует, зато Анжелика. А я стала Стефанией. Еще очень богатые люди этим балуются, проявляют фантазию. Эти уже с жиру бесятся, все есть, надо чтобы и имя у ребенка было сплошной «**allinclusive**». Но это из личных наблюдений.

Имя у меня красивое, но Андрей его не признает. Он говорит, что на Руси не было никаких Стефаний, поэтому имени этого и нет в Святцах, но был такой вариант: Степанида. Меня он совсем не устраивает, но кто меня спрашивает? Муж меня величает «Степанидой АлексИ-совной». АлексИс – это Алексей по-французски. Таким образом, Мое Величество надо мной издевается, очень, кстати, тонко. А когда оно в хорошем настроении, то я Стёпка.

– Стёпка, тащи борщ! – и смачный шлепок по попе.

Сына называли в мою честь, Степаном. А чтобы не путаться, раз я Степка, то он – Степан Андреевич. Его так называют с пеленок, вот он и вырос Степаном Андреевичем. В детстве был маленький мужичок, сбитый, молчаливый, не по годам рослый, ведь папка у нас богатырь, почти все время насупленный. Степан Андреевич получил от жизни все что положено. В садик он ходил обычный, тогда мы еще не были богаты, но в гимназию уже элитную, потом окончил элитный вуз, а теперь работает в элитном банке. Отец купил нашему сыну квартиру и (я просто в этом уверена) нашел Степану Андреевичу подходящую девушку. Иначе откуда взялась эта Лиана? Именно так зовут девушку, с которой сын живет гражданским браком. Она – олицетворение гламура. Я полагаю, Лиана здорово повышает статус моего сына. Жить с такой женщиной – это шик. Это означает, что у человека полно денег. Лиана сродни иномарке премиум-класса, мне иногда даже кажется, что от снохи пахнет свежей краской и новой кожей, которой обтянуты сиденья дорогих машин. Меня Лиана называет «Стефанией Алексеевной» и на вы. Мы вежливо созваниваемся раз в две недели. Я звоню сыну, а Лиана мне, или наоборот. Перекрестное опыление. Ее отец сидит в правлении банка, в котором работает мой сын. В девять утра Степан Андреевич погружается в глубокое кресло, положив перед собой последней модели айфон, и важно надувает щеки. Посидев, таким образом, часиков шесть-восемь, он едет домой, к Лиане, а дальше уж как она скажет. В ночной клуб или еще куда. Видимся мы редко, у нас ведь все хорошо. Это горе сближает, а в нашем положении делиться нечем, радости у нас примерно одинаковые. Отдыхаем мы порознь, нам с Лианой нравятся разные страны. Уступить она не хочет, что же касается меня...

Эта молодая женщина мне абсолютно чужая. У нее нет сердца, ее пульс бьется в айфоне, от которого Лиана не отрывает взгляда. Она беспрерывно «лайкает» или считает «лайки» под своими селфи. Она не знает другой жизни и не понимает ее. Работать ей не надо, пока ее отец сидит в правлении банка, а гражданский муж в кресле начальника отдела того же банка. Да еще свекор, исполнительный директор. Полный, как говорится, комплект. Только я в нем лишняя, хотя нет. Я ведь их счастливый талисман, иными словами, их совесть. В семье положено быть юродивому, чтобы в ней было счастье. Они ко мне так и относятся. Я жду внуков, но мне очень не хочется, чтобы их матерью была Лиана. Но выбирать, как говорится, Степану Андреевичу.

Вот так и текла моя жизнь, пока в один прекрасный день я не сказала себе:

– Стеша, проснись!

Началось вроде бы с пустяка. Мы с подружкой сидели в кафе. С одной из. Я почти каждый день сижу с кем-то в кафе. В основном в нашем же фитнес-клубе. Разговор ни о чем. Как дела?

А у тебя? Маникюр-педикюр, где мы летом отдыхали, что там у детей. Я никогда не хвастаюсь, просто отвечаю на вопросы. И вдруг:

– Так не бывает.

Я чуть не поперхнулась кофе:

– Что именно?

– Ты говоришь, он тебе не изменяет?

– Я ничего об этом не говорю. О нашей с Андреем семейной жизни.

– Твой муж – заметная фигура. – Она упорно не смотрит мне в глаза. – Красивый, богатый. Кто только к нему не клеился.

У меня по спине ползет холодок.

– И что? – спрашиваю я в упор. – Есть доказательства его измены?

– Только слухи. Извини, сколько тебе лет?

– Сорок четыре.

– То-то, – многозначительный взгляд. – Небось проблемы уже начались?

– Какого рода?

– Ладно, не прикидывайся. Мы же с тобой ровесницы, – глубокий вздох. – Нам до климакса осталось не так уж и много. А гормональная перестройка организма уже идет.

– Ты что, врач?

– Скажешь, тебя не мучает бессонница? Или во время секса нет неприятных ощущений?

– Нет, у меня все в порядке.

– Это у них все в порядке, – кивок через плечо, на соседний столик. Там сидят двадцатилетние девчонки, инструкторы с подружками. Они ослепительно красивы, или мне так кажется, учитывая их ослепительную молодость?

– Ты хочешь сказать, что одна из них...

– Я хочу сказать, неведение – это блаженство.

Я вздрогнула. Неужели она общалась с Андреем?! Неспроста ведь этот разговор и эта фраза! До боли мне знакомая.

– Ну, узнаю я, и что?

– Недвижимость на кого записана?

– Какая недвижимость?

– О господи! Квартира, дом. Машина.

– На мужа.

– А на тебя что?

– Похоже, ничего.

– Вот ты дура! Ты хотя бы залезь в его айфон. Умеешь читать удаленные эсэмэски?

– Зачем мне их читать?

– А если у них далеко все зашло? Останешься с голой жопой.

– У меня есть работа.

– А жить-то где? И потом: такими мужьями не бросаются. Надо его к себе привязать.

– Как?

– Шантажом. Узнай его слабое место. Тайну какую-нибудь.

Я задумалась.

– Он вполне может еще кого-то родить, – намекнула подруга. – Только свистни.

– Он не хочет больше детей.

– Это он тебе сказал?

– Да.

– Но от него очень хочется иметь детей. Он суперсексуальный.

– Ты говоришь о моем муже!

– Тогда запри его дома! Посади на цепь. А то ходит тут, словно кремовый торт. Так и хочется его съесть. Но я-то понимаю, что мои шансы равны нулю. Потому и говорю тебе все это. Стеша, срочно прими меры. Не позволяй ему кобелировать. Вели купить тебе недвижимость, на крайний случай. Подстрахуйся, одним словом. За все надо платить. Тебе отвалилось четверть века безоблачного счастья, ты представляешь, сколько это стоит?! Кому-то и денечка не досталось. Придет время, и жизнь предъявит тебе счет. Торгуйся. Уйдет муж – заведешь собаку.

В это время я увидела, как в клуб входит муж. В принципе, я знала, что он сегодня придет. Мы договорились, что домой поедem вместе. И тем не менее сердце знакомо затрепетало, пытаюсь запуститься. Дыхание участилось. Прошло столько лет, а он все так же божественно красив, мой Андрей! За соседним столом пауза. Потом:

- Смотрите, Воронцов!
- Mamочки, я уже кончаю!
- Тихо ты! Вон сидит его жена!
- Ой!

Андрей идет мимо девчонок, словно не замечая их, к моему столику. И смотрит только на меня.

- Степка, привет!

По всему видно, у него прекрасное настроение. Я пытаюсь быть сдержанной:

- Виделись уже. Я кормила тебя завтраком.
- Да? Я не помню.

Мое лицо мрачнеет. Ах, он не помнит! Зато моя подруга вспыхивает, словно лампочка в торшере, Юлина прическа формой напоминает абажур:

- Кого я вижу! Воронцов, привет!
- Она поднимается, чтобы подставить Андрею щеку.
- Ну, привет.

Он кладет ей руку на плечо, игнорируя щеку, и слегка надавливает. Но Юля как подкошенная буквально падает обратно на стул. Силы у моего мужа немерено, я до сих пор помню сегодняшнюю ночь. А на дворе стемнело, и, судя по настроению Андрея, нас ждет вторая серия. Я прекрасно знаю этот его взгляд, как знаю наизусть всего Воронцова, от макушки до кончиков больших пальцев ног, для меня остается тайной лишь его улыбка.

- Степка, сколько у меня времени? Когда у тебя последнее занятие?
- Через пятнадцать минут. В принципе, мне уже пора.
- Так иди!
- Освобожусь через час.
- Я понял. Пойду переоденусь. Поработаю над собой.

Но уходить он не торопится. Я скрываюсь за занавеской и оттуда наблюдаю тайком: что будет после моего ухода?

Андрей садится напротив моей подруги, и к ним тут же подходит официантка. Юля тычет пальцем в меню, и Воронцов делает заказ. Одна из девчонок, тех, кого я невольно спугнула своим присутствием, встает из-за своего столика и направляется к моему мужу. Она что-то говорит, он смеется. Теперь их за столиком уже трое. Меня ждут бабули, осваивающие йогу, мне, увы, пора. Но все и так ясно. Медоносный цветок облепили пчелы. Мне явно пора завести собаку. Чего ждать-то?

Андрей собак не любит, говорит, что в детстве на него набросилась овчарка. Пришлось даже наложить швы. Кошку я тоже завести не могу. Когда мы поднимаем эту тему, муж говорит:

- Кошка – это не собака.

И все. Понимай как хочешь. Я все жду продолжения этой фразы, как сигнал: ну, ладно, заводи. Но жду тщетно. А кошку хочется. Но, видимо, моя участь – это собака.

Когда я поднимаюсь на второй этаж, где у меня проходят занятия по йоге, то сверху вижу, что Андрей по-прежнему сидит за столиком в компании двух женщин. И вот тогда я говорю себе:

– Стеша, проснись!

Поза кобры

- Итак? – Я сегодня настойчива.
Но детектив все еще мнется.
- А может, вы передумаете, Стефания Алексеевна? Я буду уговаривать вас, пока сил моих хватит.
- Все так серьезно?
- А сами-то вы как думаете?
- Это вы про пистолет?
- Господи, у него еще и оружие есть?!
- Послушайте, Вадим, чем вы занимались весь этот месяц?! – Я начинаю злиться. – Этот ваш отчет... – я гневно трясущ перед ним листами с отпечатанным на них текстом. Шрифт мелкий, а Вадим еще даже не знает о любви моего супруга к огнестрельному оружию! Я уверена, любви разделенной. – Это же липа!
- Все честно, – ежится он. – Ваш муж ездит на работу и в фитнес-клуб. Где, кстати, и вы сами работаете. Еще на деловые встречи. В командировки.
- Со Светой?
- Ну, разумеется.
- Разводиться из-за Светы – это как-то мелко, вы не находите? Согласно статистике, добрая половина женщин в нашей стране закрывает глаза на то, что мужья им изменяют. Света у мужа давно. Поэтому я хочу знать, чем он конкретно занимается на работе?
- Решает проблемы, – тяжело вздыхает Вадим.
- Его ненавидят, да?
- Врагов у вашего супруга хватает, – он заметно оживляется. – Кстати, Андрею Ильичу удается совмещать приятное с полезным. Его любовница – его же деловой партнер. Я имею в виду последнюю любовницу.
- Так. А почему этого нет в отчете? – Я опять трясущ перед ним бумагами.
- Я не хочу, чтобы вы сломали себе жизнь. Честно. Она у вас неплохая. Да чего там! Шикарная! Даже я вам завидую, хоть я и не женщина.
- Вы хотите денег? – осеняет меня. – Сколько?
- Для начала тысяч пятьдесят, – мнется он. – Рублей, разумеется. Видите ли, у меня ипотека...
- А как вам помогут пятьдесят тысяч рублей? – искренне удивляюсь я.
- Я же сказал: для начала. Нужна дорогая аппаратура для слежения, деньги на взятки. Ваш муж человек влиятельный. К нему так просто не подберешься. А я хочу стопроцентные доказательства, чтобы вы потом не пожалели о содеянном.
- О содеянном должен пожалеть он. Деньги я вам дам. У меня скоро зарплата.
- Если хотите, я приеду за деньгами к вам в клуб.
- Приезжайте. – Я поднимаюсь из-за стола. – А это в счет уже проделанной работы, – я кладу перед ним несколько купюр. – Хотя отчет – липа. Но я его возьму.
- Как хотите, – он напряженно смотрит, как я убираю отчет в свою сумочку. И вдруг спрашивает:
- А если муж увидит? Не боитесь?
- Он никогда не лазит по шкафам, где лежат мои вещи. Даже не знает адреса моей электронной почты.
- Он вам так доверяет?
- Скорее, пренебрегает.

– Что ж, Стефания Алексеевна, до встречи, – он тяжело вздыхает. – Раз уж вы решились, то и мне другого не остается.

На сем я откланиваюсь и иду к дверям. Итак, у мужа любовница. Кроме Светы. Поистине, надо заводить двух собак. Таксу и колли. Какие еще меня ждут открытия на пути к истине?

Вечером... Ах, этот вечер! Когда человек добровольно лезет в петлю, он ведь умирает далеко не сразу. Это процесс мучительный и долгий, потому что секунды растягиваются в часы. Все когда-то случается в первый раз. В этот вечер я сделала второе неприятное открытие. Первое – я узнала, что муж мне и в самом деле изменяет. А о том, что он действительно чудовище, узнала, когда попыталась с ним поговорить.

Мы сидели на кухне, Андрей ел, сосредоточенно глядя в планшет. Я сидела напротив и разглядывала мужа. Любовалась им. Какое же у него правильное лицо. Красивое, но в то же время мужественное. Да, оно должно нравиться женщинам.

– Андрей, почему ты на мне женился? – тихо спросила я.

– Что? – Он оторвал наконец взгляд от планшета.

– Скажи мне, почему я? Вокруг полно женщин, ты мог выбрать любую.

Опять эта странная улыбка.

– Я сказал: пойдем со мной. И ты пошла.

– Когда живешь в борделе, пойдешь куда угодно. И за кем угодно.

– Значит, ты меня просто использовала? – Он даже жевать перестал. – А это интересно! Я-то думал, любовь!

– Мы никогда об этом не говорили... А ведь в тот вечер ты пришел к проститутке...

– Мне было двадцать лет, – сердито сказал он, вставая. Я тоже встала, чтобы подать мужу второе. – Я со своей девушкой поругался, ты ведь прекрасно знаешь, что до встречи с тобой я жил вовсе не как монах. У меня яйца трескали. Пацаны сказали: есть баба, она всем дает. Но надо заплатить. Я же не знал, что встречу тебя!

– И все получишь даром.

У меня в голове словно что-то взорвалось. Я не сразу сообразила, что сижу на полу, привалившись спиной к холодильнику, а муж склоняется надо мной с озабоченным лицом:

– Степка, ты чего? Эй?

Это была пощечина! Всего лишь пощечина, а я пролетела метра два, ударилась спиной о холодильник и, кажется, на время отключилась! Андрей никогда меня раньше не бил! Я смотрю на него в ужасе.

– Давай вставай!

Он берет меня за руку и рывком поднимает с пола. В руке дикая боль. Как я завтра смогу вести занятия по йоге?!

– В порядке? – Он поворачивает меня, словно тряпичную куклу и осматривает затылок. – Что ж ты хлипкая такая?

– Андрей, ты меня ударил, – с удивлением говорю я, без сил опускаясь на диван.

– А ты язык держи за зубами.

Он садится напротив и сердито придвигает к себе тарелку. После этого муж может как ни в чем не бывало продолжать ужинать!

– Все эти годы ты относился ко мне как к своей собственности. Постоянно унижал меня, называл Степкой...

– А как тебя прикажешь величать? Степанидой Алексисовной? – Презрительный взгляд.

– Ты говоришь со мной так, будто я круглая дура.

– Ну не круглая. Кругленькая.

– ...а теперь ты меня еще и ударил.

– Прекрати это! Немедленно! А то получишь еще. – Он сжимает руку в кулак и кладет его передо мной на стол. – Да, я такой. Хозяин. Ты знала об этом, когда выходила замуж. Тебя это

устраивало. Ты жила со мной и не задавала вопросов. Во всяком случае, не требовала на них ответов, за что я тебя и ценил. Теперь тебе вдруг пришло в голову устроить разбор полетов. Лучше посуду помой. Займись своими непосредственными обязанностями.

А я всего лишь спросила, почему он тогда, четверть века назад, пришел к проститутке! А если бы спросила про любовницу? Я машинально трогаю щеку.

– Что? Больно? – В голосе у него что-то похожее на жалость.

– Ничего. Пройдет.

Я стараюсь держаться. Он ясно сказал: продолжишь в том же тоне – получишь еще. А мне вовсе не хочется летать по кухне. Кто бы знал, что у мужчин такая сила! Все это нравится, пока силу не применили конкретно к тебе. Так в мое сердце закрадывается страх. И оно начинает биться. Я уже не гляжу на мужа, словно зачарованный кролик на удава, с обожанием. Мне больше неохота быть его едой.

Через несколько дней, когда боль в руке проходит, я спускаюсь в цокольный этаж нашего фитнес-клуба, где оборудован зал для единоборств. В сетке расписания урок для женщин – самооборона. Его ведет Борис, приятный парень с добрыми глазами. Увидев меня, он очень удивляется:

– Стеша? А ты здесь зачем?

– Хочу научиться приемам самообороны, – я упорно отвожу взгляд.

– Ладно, становись в строй. Сначала у нас общеукрепляющие упражнения. Бег, отжимания, гантели, упражнения на пресс. Но я вижу, ты в хорошей форме.

– Я делаю стойку на голове.

– Что ж...

Женщин на удивление много. Неужели всех их бьют мужья? Или маньяков боятся? Работает слабый пол упорно, на совесть. Пыхтят, потеют, упираются. Видали бы это маньяки, пришли бы в ужас и все попрятались. Что касается мужей, они бы отдали свои зачки. Час пролетает незаметно. Когда все направляются к дверям, Борис манит меня пальцем:

– Задержись.

Мы остаемся одни в зале, где едко пахнет потом. Прямо предо мной висит боксерская груша. Мои бедные руки до сих пор ноют, груша сродни стене, сколько ее ни бей, она никогда не рухнет, и каждый раз больно после очередной атаки на нее. А бить надо.

– Борис, эта боль когда-нибудь пройдет?

– Никогда. Терпи, привыкай. Когда ты выбираешь спорт, ты выбираешь боль... Стеша, зачем ты здесь? С таким мужем не нужны приемы самообороны. Он защитит тебя от любого маньяка и бандита. От дюжины бандитов. Просто не ходи по улицам одна.

Я молчу.

– Это Воронцов? Господи, неужели это Воронцов?!

Я молчу.

– Стеша, если это Воронцов, у тебя нет шансов. Я видел его на тренировке: почти центнер сплошных накаченных мышц! – В голосе у Бориса невольное уважение. – Твой удар для него все равно что укус комара. С Воронцовым проще договориться. Тебе надо договориться, Стеша.

– Договориться, то есть молчать? Борис, ты ведь тоже знаешь. Женщины к нему так и липнут.

– Это естественно, – Борис пожимает плечами. – Красивый мужик сам по себе приз, а уж когда у него есть деньги... Тогда это суперприз. Не бери в голову.

– Я бы с ним развелась, но, боюсь, он не даст мне развод. Я Воронцова отчего-то устраиваю.

– Я бы тебе помог, да не знаю как, – Борис тяжело вздыхает. – Вызвать его на бой, чтобы защитить твою честь? А кто я такой? Он – муж. Хотя я, конечно, отношусь к тебе с симпатией.

Да и толку от меня в таком бою будет немного. Он меня покалечит, на том и закончится. Терпи, Стешенька. Я никому не скажу, о чем мы с тобой сегодня говорили. И ты молчи.

– Можно я приду завтра?

– Ходи, кто тебе запрещает? – пожимает плечами Борис.

Воронцов, разумеется, ничего не знает. Да и знал бы. Мой удар для него все равно что укус комара. Посмеется, и только. Мол, куда ты лезешь, насекомое?

Через неделю я звоню Вадиму:

– Как наши дела?

Деньги я ему отдала. Никакого контракта мы не подписывали. Вадим просто взял деньги и велел мне ждать. А мне в голову пришла вдруг дикая мысль засадить мужа в тюрьму. Таким образом, я от него и избавлюсь. Он посидит годиков пять, а лучше десять, состарится, подурнеет, станет мягким и покладистым. А я ему буду передачи носить. Зато потом мы заживем! И детектив меня обнадежил.

– Кое-что есть, – загадочно сказал он, и я тут же назначила ему встречу.

Встретились мы в машине. В его, потому что я машину не вожу. Андрей категорически против. Он отчего-то ненавидит женщин за рулем и, морщась, говорит:

– Только тебе, Степка, этого не хватало!

А машину мне хочется так же, как и кошку. Но попробуй ты поспорить с Воронцовым! Рука до сих пор побаливает, а ведь он меня всего лишь с пола поднял! Я невольно ежусь и оглядываюсь. Муж на работе, где же ему еще быть? Хотя...

– Где сейчас муж? – в упор спрашиваю я у Вадима, едва очутившись в салоне его машины.

– На работе, где же еще? – не моргнув глазом, отвечает он.

– На работе или на свидании? Вы ведь сами сказали, что Воронцов совмещает приятное с полезным.

– Ах да! – Вадим лезет с карман куртки и достает оттуда смартфон. И тут же начинает оправдываться: – Фотографии нечеткие, ближе мне подойти не удалось.

– Вы что, снимали их на смартфон?!

– Ну а как?

– А дорогая аппаратура? Взятки нужным людям? На что вы потратили мои деньги? – Я опять начинаю злиться.

– Да вы сначала посмотрите! – Он сует мне под нос смартфон.

Я вожу пальцем по дисплею, листая фотки.

– Это что, его любовница?

– Да.

– Господи, да она же старуха!

– Да, ей лет сорок.

– Свете хотя бы двадцать пять.

Я с сомнением разглядываю женщину на сделанных Вадимом фотографиях. Вот они с Андреем выходят из дверей его офиса, вот садятся в машину. Он заботливо придерживает дверцу. Потом вроде бы приобнимает женщину, которая садится в его машину. Она к нему точно льнет. Любовники? Ага! Вот они сидят в ресторане!

Ей лет сорок, но она холеная, так что выглядит моложе. Но я-то вижу, что ей сорок, меня не обманешь! У нее повадки сорокалетней женщины, которая не упускает ни единого шанса доказать, что она все еще женщина. Крашеная блондинка. Андрею всегда нравились блондинки. Одета со вкусом. Платице ничего. И сапоги соответствуют. Редкие женщины умеют правильно выбирать обувь, чтобы костюм и сумочка с ней не диссонировали. У этой женщины хороший советчик по части нарядов, или она не глупа. Она улыбается моему мужу со значением. Его рука лежит на ее руке, он ей что-то говорит. Спрашивает: куда поедem, к тебе, ко

мне? Хотя к нему некуда. Дома я. Но у нас есть загородный дом. И у нее наверняка тоже. Я задумчиво смотрю на фотографии.

– А конкретнее? – спрашиваю я Вадима.

– Дальше есть снимок, где они в постели, но он нечеткий.

– Да я и сама вижу!

Какие-то размытые тени. Мужчина, отдаленно похожий на моего мужа. Однозначно только, что он высокий брюнет. Я тщетно пытаюсь разглядеть его лицо. Андрей, не Андрей? Но после ужина в ресторане, фотографии откуда довольно четкие, скорее всего, что это Андрей.

– Я понимаю, это не стопроцентные доказательства, – виновато говорит Вадим, убирая в карман смартфон. – Хотите, я вам скинул фотки по «мылу», и вы их дома как следует, рассмотрите? Раз уж супруг не знает адреса вашей электронной почты.

– Я хочу знать больше! Не только о его любовнице, но и о его работе! Если муж кого-то убил, я тоже хочу это знать!

– Вы в этом уверены? – Вадим невольно ежится.

– Недавно он меня ударил. По лицу. Он никогда раньше этого не делал.

– Потому что вы не задавали ему неудобные вопросы. А о чем спросили-то?

– О проститутках.

– Это вы зря, – Вадим опять ежится.

– А теперь я хожу на уроки самообороны.

– И это зря. Синяка вроде нет, – он внимательно рассматривает мое лицо. – А чему вас там учат-то, на этих уроках?

– Куда надо бить. И чем. Отрабатывают до автоматизма.

– Ну, попробуйте, – он тяжело вздыхает. – Я вам вот что предлагаю: хотите поймать мужа с поличным?

– С поличным?

– Застать в постели с любовницей. Я могу это устроить. Я приблизительно знаю график их встреч. Если вам это поможет...

– Поможет – не поможет, но это хотя бы конкретика, а не размытые фотографии. Да, я хочу.

– Тогда ждите... А может, вы все-таки передумаете, Стефания Алексеевна?

– Может быть.

Попытка не пытка, даже вторая. И снова вечер. Декорации те же. Андрей пришел с работы, он ужинает, по привычке уткнувшись в планшет. А я гадаю: с чего начать-то? Наверное, надо издаleка.

– Как прошел день?

– Нормально, – говорит муж, не отрываясь от планшета.

– Все проблемы решил?

– На сегодня да.

– Один или со Светой?

– Со Светой.

– Значит, сегодня у тебя Света. А сколько их вообще?

– Не понял?

Он поднимает взгляд на меня. Я встаю, чтобы подать ему чистую тарелку. На этот раз ноги мои напряжены, я в любой момент готова уклониться от удара. Все, как учил Борис.

– Налей мне водки, – неожиданно просит Андрей.

– Водки?

– Ну да. Хочу выпить.

– Это ответ на мой вопрос о любовницах?

– Тебе доказать, что я сегодня ни с кем не трахался? – Он медленно поднимается из-за стола, взгляд не предвещает ничего хорошего.

На этот раз бью его я. Под дых, как учили на тренировке. Это немногим лучше, чем лупить боксерскую грушу, по ощущениям почти то же, Борис был прав. Но удар застает мужа врасплох. Он охает, сгибается пополам, но тут же распрямляется и смотрит на меня с огромным удивлением:

– Это чего сейчас было?

Я снова бью его, теперь уже по корпусу, но на этот раз кулак летит в пустоту.

– Э, нет... Чего это ты вытворяешь, насекомое?

Я даже не ожидала, что у него такая реакция! Можно подумать, в обязанности исполнительного директора входит ежедневный мордобой! Очень уж супруг поднаторел в драках! Понятно, что мне делать дальше: уносить ноги! Я зажмуриваюсь от страха и несусь в спальню. Муж ревет, словно дикий зверь, и кидается за мной. Но бегаю-то я быстрее. Мне удастся захлопнуть дверь перед его носом и повернуть в замке ключ.

– Степка, открой! – орет он и лупит кулаком в дверь. – Открой немедленно, слышишь?!

Я с сомнением смотрю на дверь. Она ходит ходуном. Еще бы! За ней почти центнер сплошных накачанных мышц!

– Убью! – орет Воронцов и налегает на дверь.

Я понимаю: лучше открыть. Чем дольше я сопротивляюсь, тем он злее. А двери не выдержат, однозначно. Косяк уже треснул. Я втягиваю голову в плечи и дрожащей рукой поворачиваю в замке ключ. Воронцов врывается в комнату и швыряет меня на кровать:

– Убью!

Я слышу треск рвущейся ткани. Он моего халатика остались жалкие лохмотья. Это не секс, а акт вандализма. Закончив, муж откидывается на спину и говорит:

– Вот так. Помни, кто в доме хозяин. А с Борисом я поговорю.

– Не смей! Он ни в чем не виноват!

– Еще как виноват! Он учит жену бить мужа!

– Должна же я как-то защищаться! Теперь ты меня изнасиловал!

– Что до этого, то я никогда не буду спрашивать у тебя разрешение! Трахну, и все!

Он резко поворачивается на бок и смотрит на меня в упор. Взгляд у него напряженный.

– Скажи, тебе что, было плохо со мной? – спрашивает муж после долгой паузы. Чего он, интересно, хочет во мне разглядеть? – Хочешь в Венецию – пожалуйста, на Мальдивы – да ради бога, бизнес-класом – нет проблем. А твои шубы я уже считать замучился. И после всего это ты идешь к Борису и говоришь ему: скажи мне, куда бить моего мужа, чтобы ему было больно. Мне, между прочим, было больно!

– Мне показалось, ты ничего не почувствовал.

– Почувствовал глубокую обиду, – взгляд у него и впрямь как у обиженного ребенка. Я еще никогда Андрея таким не видела. – Смотри сюда, – он тычет пальцем в живот.

– Там ничего нет.

– Ты сюда ударила! Кстати, удар был неплохой. Если бы я не увернулся, словил бы второй. Вот бабё! Везде лезут! На дороге от них спасу нет, библикают, подрезают! В начальники лезут! В какой кабинет ни придешь – там обязательно баба сидит! Теперь еще и кулаками машут! Совсем охренели! Или ты решила стать моим спарринг-партнером? – ехидно улыбается он. – Все деньги – в семью. Правильно! Чего их в фитнес-клуб нести? Сначала ты мне борщ сварешь, потом блок поставишь. Потренируешь. Ты это брось, Степанида! А чтобы ты лучше запомнила урок...

Он снова наваливается на меня и тянется губами к шее. Я закрываю глаза. Еще один акт вандализма. Неужели на теле у Воронцова нет такой болевой точки, которая влияет на потенцию? Надо спросить у Бориса...

Поза воина 1

Мне даже некому пожаловаться! Боюсь, подруги меня не поймут. Поэтому я назначаю встречу Вадиму. На стоянке у фитнес-клуба. Я полна решимости: после вчерашнего надо что-то делать.

– Он меня изнасиловал, – жалуясь я. – Причем дважды.

Вадим тяжело вздыхает:

– Расскажите об этом вашим подругам.

– Да вы просто не знаете, что такое заниматься сексом с Воронцовым!

– К счастью нет.

Господи, что я такое говорю! Совсем обезумела!

– Извините, Вадим. Я не в себе.

– Да уж вижу. Что, досталось? – Он смотрит на меня сочувственно. – А о чем на этот раз спросили?

– О любовницах.

– Надо отдать должное вашему мужу. Ответ достойный.

– Вы надо мной издеваетесь?!

– Я не очень вас понимаю, Стефания Алексеевна, но коли уж вы на это решились... Завтра у них свидание. С Людмилой. Поедете?

– Значит, ее зовут Людмилой... Откуда вы узнали о свидании?

– Мне удалось подслушать их разговор. Людмила ему позвонила и назначила встречу. Уверен: после ресторана они поедут к ней на дачу. Погоды стоят хорошие.

Да, сентябрь в этом году на загляденье. Воистину, золотая осень! Давно такой не было. В воздухе ни слезинки, это я о дожде. Небо нынче не плачет, в отличие от меня. Оно все это холодное дождливое лето вынынчивало в колыбели солнце, заботливо укутав его одеялом из облаков. Но младенец подрос и решил порезвиться. Теперь вокруг все сияет, похоже, солнцу нравятся новые игрушки. Оно заставляет цветы распускаться по второму разу, ягодные кусты дают второй урожай, а трава такая зеленая, что порою кажется, будто на дворе лето. Только золотые монетки опавших березовых листьев напоминают о том, что скоро выпадет снег. Над зелеными газонами – почти что голые ветки деревьев.

– Поехали! – говорю я решительно. – Раз Воронцов не отвечает на мои вопросы, я поставлю его перед фактом. А если он не захочет дать мне развод, ну что ж... Тогда займемся его криминальным прошлым. У меня появится повод разъехаться, и меня больше не будут бить и насиловать.

– По-моему, вы преувеличиваете, Стефания Алексеевна. Одна пощечина и дважды исполненный супружеский долг, причем без видимых повреждений. Извините, но вид у вас цветущий. Секс всегда идет женщине на пользу... Послушайте, может быть, вы сыну пожалуетесь?

– Степану Андреевичу?! Да вы с ума сошли! Он такой же, как его отец! – невольно вырывается у меня.

– Тоже бьет и насилует свою жену?

– Я не думаю, но... Он меня не поймет. Отец для него идеал. Образец настоящего мужчины. Они вместе играли в теннис, в футбол, в волейбол, когда Степан Андреевич рос. Да во что только не играли! Отец отдал его в секцию бокса. Он же, отец, и проверил, чему там учат и хорошо ли учат. А когда я расплакалась, делая примочки на распухшее лицо единственного сына, знаете, что он мне сказал, мой Степан Андреевич?

– Что?

– «Не реви, насекомое. Мы мужики, сами разберемся».

– Круто!

– Но Лиана-то водит машину! Так зовут девушку моего сына. И у нее есть собака. То ли левретка, то ли той-терьер.

– А у тебя, малыш, даже собаки нет, – неожиданно смеется Вадим.

А он, оказывается, симпатичный. Я просто никогда раньше не разглядывала чужих мужчин. Мне незачем было на них смотреть, да и за широкой спиной супруга их даже не было видно. До меня наконец дошло: я сижу в машине, с мужчиной, жалуюсь ему на семейные проблемы, рассказываю о сыне. Симметричный ответ, так это называется? У Андрея-то любовница, и не одна. Так вот куда меня занесло!

Я гашу невольную улыбку на лице. «Малыш...» Да, я мелкая.

– Ладно, готовьтесь. – Вадим тоже перестает смеяться. – Завтра я вам позвоню. Думаю, в ресторан, где они встречаются, ехать не имеет смысла. Поедем прямо на место предполагаемого прелюбодеяния. Согласны?

– Да.

До завтра надо еще дожить. Я невольно нервничаю. Да еще и занятия по самообороне сегодня отменены. Только увидев Бориса, я понимаю, в чем причина. Опускаюсь перед ним на колени и начинаю рыдать:

– Прости меня... Пожалуйста, прости...

У него рука в гипсе. «А с Борисом я поговорю...»

– Стеша, не надо, – морщится он. – Встань, пожалуйста.

Я, все еще плача, поднимаюсь с пола, и мы садимся рядышком на скамейку. При чем Борис на почтительном расстоянии. Причина этому само собой гипс.

– Ты все-таки его ударила, – улыбаясь, явно через силу, говорит Борис. По глазам видно, как ему больно. Он только что из больницы. – Ай, молодец.

– Какая же он сволочь! А ведь я его просила... Но как же так, Борис? Ведь ты сильный, ты все приемы знаешь.

– А толку? Сам не понимаю, как вышло, вроде бы все делал правильно. Но не успел оглянуться, как он захватил мою руку и просто надавил. Результат ты видишь. Видимо, у него практики побольше.

– Он что-нибудь при этом сказал?

– Сказал, что, если я не хочу потерять еще и голову, мне лучше забыть о твоём существовании.

– Значит, я больше не могу к тебе ходить? – Лицо у меня жалкое.

– Почему, можешь. Только эти занятия скоро придется прекратить из-за отсутствия тренера. У твоего мужа, Стеша, слова никогда не расходятся с делом. Если он сказал «оторву голову», значит, оторвет, – спокойно говорит Борис. – Да помирись ты с ним, – он машет здоровой рукой. – Чего вы там не поделили? Мне всегда казалось, что он к тебе неплохо относится. С чего вдруг ты вздумала его лупить?

– Лупить! Видел бы ты, как это выглядело! Еле ноги унесла! И то... – я благоразумно молчу о расплате, которую понесла. – Мне надоело быть вещью.

– Вещью? Но у тебя все есть, и даже сверх того. Женщины тебе завидуют.

– Я слова сказать не смею. А если кто-то берется меня защищать... – я киваю на его загипсованную руку. – Вот результат.

– Помирись с мужем, – повторяет Борис, и я понимаю, что «разговор» с Воронцовым не прошел даром. Видать, Андрей Ильич умеет быть убедительным. Как же! Он ведь тем и занимается, что решает проблемы! Теперь я точно знаю, как!

– Спасибо за совет.

– Удачи!

Теперь я надеюсь, вы поняли, каким образом в тот роковой день в моей руке оказался пистолет. Ну а что еще я могла придумать?

О Борисе, разумеется, мужу ни слова. Воронцов заезжает за мной в клуб, и мы делаем вид, что ничего не случилось. Я одеваюсь, и мы идем на стоянку.

– Куда ты? – говорит мне в спину Воронцов. И хмыкает.

– К машине. Мы ведь домой едем?

– И где, по-твоему, наша машина? – Он догоняет меня и берет за руку.

– Вон она, – я киваю на огромный черный джип, под стать моему супругу.

– Нет, Степка, ты нечто! И ты еще собралась получить права! Да ты свою машину от чужой отличить не можешь! – Это правда. Я всегда направляюсь к другой машине, похожей на нашу, но почему-то не к нашей. Воронцов постоянно над этим подкалывает. А сегодня решил всласть поиздеваться: – Скажи, какой у нее номер?

Я напрягаюсь, вспоминая заветные цифры. Игра называется «Угадай мелодию». Приз – муж на меня не наорет. И не ударит. Возможно, даже не изнасилует.

– «ССС...»

– СССР! Молчи лучше! Вон наша машина! – Он поворачивает меня на девяносто градусов и кивает на точно такой же черный джип.

– Я не вижу разницы.

– Дура! У меня рестайлинговая версия! Молдинги другие! Диски литые!

– Не знаю таких слов.

– Садись в машину, идиотка безмозглая, – шипит он, раскаляясь от злости, словно сковородка на плите. – Ты никогда не получишь права! Потому что ты овца! Ты еще хуже тех овец, которые уже эти права имеют! Они хотя бы могут отличить свою машину от чужой! Я устал тебя воспитывать! Все равно толку нет!

Я благоразумно молчу. Мелодию я не угадала, и заветный приз мне не достался. Теперь Воронцов в дурном настроении. И злость он весь вечер будет срывать на мне. Терпи, Степенька.

– Вчера в Инете прочитал, что готовят экспедицию на Марс. Инопланетян хотят отыскать. Зачем же так далеко лететь? Вон, сидит одна, явно не с этой планеты, – продолжает глумиться Воронцов. И вдруг орет: – Куда прешь, идиот! Это я на главной! – Он с остервенением давит на клаксон. – Наверняка баба! – И увидев за стеклом черной «Ауди» прическу «конский хвост» с удовлетворением кивает: – Точно! Накупят прав... – муж смачно матерится.

– Какие у тебя планы на завтрашний вечер? – вроде бы невинно интересуюсь я, переждав залп. Выпустив пар, супруг включает радио. Слушает он всегда бизнес-новости, которые каждый час повторяются. Но я же ему не говорю, как меня раздражает эта его привычка? Жене или бабе, как говорит Воронцов, иметь дурных привычек не положено. – Мне к которому часу готовить ужин, Андрей?

– А я разве тебе не говорил? У меня деловая встреча, потом ужин в ресторане. Вернусь поздно, – бурчит Воронцов.

– Как поздно?

– Очень поздно. И давай-ка, Степанида Алексисовна, без самостоятельности. После работы – домой. И баньки. Я все равно узнаю о твоих фокусах, даже если ты поменяешь клуб и тайком будешь бегать туда. На занятия «по самообороне», – с издевкой говорит супруг. – Предупреждаю: в следующий раз ломать руки твоим защитникам я буду у тебя на глазах. Чтобы ты слышала хруст костей. Может быть, это тебя образумит.

Я невольно вздрагиваю. Хруст костей! Воронцов знает, как меня вразумить! Поистине! Но не знает, что я способна залезть в его сейф, тем более что тот не заперт. Андрею и в голову не придет, что бунт на корабле, он бессмысленный и беспощадный, если попытаться утопить

его в крови. Что и «насекомому» хватит мозгов понять: да, против лома нет приема, но против него есть огнестрельное оружие.

Чтобы скрыть свои мысли, я улыбаюсь.

– Вот так-то лучше, – бурчит Воронцов. И после паузы: – Степан Андреевич не звонил? Лиана, часом, не беременна?

– Не думаю.

– А почему? Она здорова? Я имею в виду, по-женски. Ты ведь ее об этом спрашивала?

– Я не вижу у нее признаков нездоровья. Тем более что медицина сейчас творит чудеса, а у Лианы полно денег. Просто у нее нет желания становиться матерью.

– А пора. Пусть займется тем, для чего ее, собственно, и содержат в шоколаде. Да еще в бархатной коробочке. Рожает детей. Хватит ногти красить и тыкать пальцем в айфон.

– А может быть, это у Степана Андреевича проблемы со здоровьем?

– Шутишь? Ведь это же *мой* сын!

– А не надо было его в детстве бить!

– Я его *туда* не бил!

– А нос у него почему сломан?

– Это не я, клянусь! Степка, ты чего? Неужели ты думаешь, что я способен сломать нос родному сыну! Это он без меня где-то словил. А был бы батя рядом, и нос остался бы на месте. Мораль: не шатайся ночью по улицам в одиночестве, – Воронцов бросает на меня выразительный взгляд.

– Может, он ее просто не хочет, Лиану? Она ведь дура, – в сердцах вырывается у меня. Ну не люблю я сноху!

– Мне что, самому постараться? Я могу.

Папа может.

– Не понимаю, почему они не женятся? – вздыхаю я. – Может быть, в этом причина?

– А ты сама-то подумай. – Издевательства продолжаются.

– Чтобы имущество не делить? Велика вероятность, что Степан Андреевич и Лиана разбегутся.

– Нет, Степанида, Ты нечто! Какая же ты тупая! – Воронцов крутит пальцем у виска. – И ты еще меня бьешь! Теперь я абсолютно уверен, что от недостатка мозгов. Да тебе молиться на меня надо! Каждый день бить земные поклоны и говорить: «Спасибо, Андрей Ильич, что вы учите меня уму-разуму! Поите и кормите! Заботитесь обо мне!» Господи, как бы ты жила без меня? – Муж смотрит на меня с притворным ужасом. – Соображай! Ее отец сидит в правлении банка, Степан Андреевич работает в том же банке. Пока они не родственники, отца Лианы никто не обвинит в том, что он семейственность разводит. Двигает родню на ключевые посты. Вот когда у него будет достаточно власти и откроется какой-нибудь смачный филиал... – Он так и сказал: «смачный филиал», – то Степан Андреевич сядет туда директором. А потом официально женится на Лиане. И никакой коррупции.

– А-а-а...

– То-то.

Вправив мне мозги, Воронцов смягчается. Это для него вид спорта: постоянно доказывать мне, что я тупая. Одержав очередную победу, Андрей Ильич снисходительно улыбается поверженному противнику и даже покупает бутылку вина, отметить.

Вечер проходит мирно: Воронцов предвкушает завтрашний загул, а я строю планы мести. Домой и банички! Как же! Когда муж засыпает, я крадусь в его рабочий кабинет и лезу в сейф. Беспечность супруга поразительная! А еще меня в этом обвиняет! А сам почти никогда не запирает сейф! А ведь там лежат три пистолета и одно ружье! Или это винтовка? В оружии я разбираюсь точно так же, как и в машинах, но даже мне, тупой овце, понятно, что отсутствие винтовки бросится в глаза, потому что она большая. А вот пропажу одного из пистолетов мой

супруг какое-то время не заметит. Завтра утром он поедет на работу, и в сейф вряд ли заглянет. А вечером у Воронцова свидание. Вряд ли он туда отправится с пистолетом за пазухой. Муж ведь ясно сказал: в ресторан.

Я выбираю тот, что поменьше, и кладу его в свою сумочку. Вот так. На душе спокойнее. Понятно, что, увидев меня в спальне у любовницы, Андрей придет в ярость. И попытается выяснить отношения по-своему: ударить меня, заорав:

– Вон отсюда! Домой!

Но не думаю, что он настолько не благоразумен, чтобы проорать мне это, когда я наведу на него пистолет. Таким образом, я наконец заставлю себя выслушать! И муж не станет отрицать факт измены. А дальше...

Дальше я еще не придумала, но уверена: моя жизнь изменится. Я узнаю если не правду, то часть правды. Аминь!

Поза воина 2

Узнав, что я раздобыла пистолет, Вадим заметно воодушевляется.

– Это вы правильно сделали, Стефания Алексеевна! Хотя не надо бы об этом по телефону...

– У мужа есть разрешение на оружие. Так Андрей, во всяком случае, говорил.

– А-а-а... Тогда ладно. Вы ведь не собираетесь его применять, это оружие?

– Нет, просто попугать. Если у меня не будет пистолета, Андрей вряд ли станет меня слушать.

– Это точно, – вздыхает Вадим. – Жаль, что у вас машины нет, придется ехать на моей. Она не очень, но, надеюсь, по пути не заглохнет.

– А ехать далеко?

– Километров двадцать от МКАДа. Коттеджный поселок.

– Наша дача в сорока километрах. Понятно теперь, почему они решили ехать к ней.

– У нее не дача, – терпеливо поясняет Вадим. – Она там живет, за городом.

– Когда мы выезжаем?

– Я думаю, часиков в пять вечера. Ведь ваш супруг обещал вернуться сегодня домой?

– Да. Он сказал: приеду очень поздно.

– Значит, у любовницы не заночует. Вы точно готовы, Стефания Алексеевна? – с сомнением спрашивает Вадим.

– Да. Я хочу отомстить ему за Бориса.

– За какого Бориса?

– Это мой тренер. Андрей ему руку вчера сломал.

– Вы меня пугаете!

– Вадим, вы сами в это полезли! Давайте уж пойдем до конца!

– Мне бы вашу решимость. Ладно, ждите. Я подъеду.

Насчет решимости он погорячился. Меня весь день трясет, как в лихорадке. Выслеживать неверного мужа занятие неблагодарное. Это я поняла, оказавшись в машине Вадима. Со стороны все кажется просто. Узнать, где назначено свидание, дожидаться подходящего момента и войти. Потом поднять обличающий перст и вынести приговор:

– Развод! И дележ имущества в мою пользу, коварный изменщик!

Классическая сцена. Но на деле... Ведь я его все еще люблю, мужа-то. Что я почувствую, увидев его в постели с другой женщиной? Знать это – одно, а видеть – совсем другое. Главное, его взгляд, как у побитой собаки. Я вовсе не хочу видеть мужа слабым. Униженным. Я никогда его таким не видела и боюсь своей реакции. Вдруг в моем сердце появится жалость? Оно опять остановится, и я Андрея прощу. А он хоть на пару секунд, да потеряет лицо. Эффект неожиданности и позора. Да еще и отсутствие одежды. Голый человек особенно уязвим. А рядом ко всему прочему лежит голая женщина. Потом Андрей, конечно, придет в себя, но эти секунды... Вот что мне не давало покоя!

– О чем задумались, Стефания Алексеевна? – спросил Вадим, заметив мое сосредоточенное лицо.

– О том, как я это сделаю? Смогу ли?

– Может, повернем назад?

– Нет-нет! Я не о том, Вадим. У меня сердце разрывается, простите за банальность. Если бы кто-то все это сделал за меня...

– Вы предлагаете *мне* войти к ним в спальню?

– Хотя бы постойте у дверей и послушайте. Я не хочу войти именно в *тот* момент, вы понимаете?

– А в какой?

– Я не знаю.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Не переживайте, я вас подстрахую.

– Да-да, не бросайте меня.

Мы едем долго, пробки, и почти все время молчим. Я собираюсь с силами, а Вадим... Я не знаю, о чем он думает, но рада, что в этот момент рядом со мной именно он. Я начинаю относиться к нему с симпатией. Кстати, его фамилия Муркин. Мечтала же я завести кота?

В сентябре темнеет рано. Часов в шесть начинают сгущаться сумерки, а в семь уже совсем темно. Мы подъезжаем к коттеджному поселку еще в сумерках. Охранник на въезде нас почему-то пропускает. Или он просто спит? Вадим без проблем поднимает шлагбаум и проезжает. Вот вам охрана в элитных коттеджных поселках! Вот вам и закрытая зона!

– Лучше оставить машину здесь, – говорит Вадим, и мы тормозим у крайнего дома. – Дальше пойдем пешком. Не стоит привлекать их внимание, да и ворота наверняка закрыты.

Я понимаю, что это он о моем муже и его любовнице, и согласно киваю. Вадим закрывает машину, а я прижимаю к себе сумочку, в которой лежит пистолет. Потом мы идем по улице, вдоль глухих заборов. В поселке тихо. Сегодня будний день, погода хорошая, здесь просто не принято гулять по улицам вечерами, у каждого большой участок и огромный дом. Можно посидеть в качелях, наслаждаясь последними теплыми днями, или разжечь мангал и пожарить шашлыки. Я бы так и сделала, будь у меня все хорошо. Кстати, мы с Андреем планировали поехать в эти выходные на дачу. А теперь не поедem. Мне вдруг становится грустно. Я сейчас похожа на луну в облаках. Повсюду небо ясное, а мое сознание погрузилось в черную тучу.

– Пойдите здесь, Стефания Алексеевна, – говорит Вадим, оборачиваясь. – Вон ее дом, – он кивает на двухэтажный кирпичный особняк довольно скромных размеров. Наш с Андреем загородный дом гораздо больше. – Я пойду посмотрю, там ли ваш муж? А вдруг они передумали и, поужинав, разбежались? Если он там, то я вам позвоню.

Я согласно киваю. Чего понапрасну вламываться в чужой дом? Одно дело, если там мой муж, тогда я имею на это право, я пришла за своей собственностью. Другое дело, когда его там нет. Тогда я банальный грабитель и нарушитель покоя. Поэтому я покорно стою под фонарем, ожидая звонка Вадима. Проходит минут пять. Время тянется бесконечно долго.

В начале улицы появляется женщина с собакой. Огромный дог без поводка. Я невольно ежусь. Хоть я и люблю собак, но вовсе не хочу стать объектом их нападения.

– Не бойтесь, он не укусит, – издали говорит женщина, видя мою напряженную позу. – Он уже старый.

– Да? – Я пытаюсь расслабиться.

– А вы к кому? – Она с интересом принимает меня разглядывать. – Я вас не знаю.

– Я к Людмиле.

– Так вон ее дом, – женщина кивает на особняк, с которого я вот уже минут пять не свожу глаз. – Чего вы здесь-то стоите?

– Я уже иду.

Прижимая к груди сумочку, я начинаю двигаться по направлению к указанному дому. Сердце бьется где-то в горле. Мне не по себе, и отчего-то тошнит. Наконец звонит мой телефон. Голос у Вадима взволнованный.

– Стефания Алексеевна? Он здесь, так что приходите.

– Я уже тут, – при этих словах я неуверенно толкаю калитку.

Первое, что я вижу, это машина мужа. Огромный черный джип. Рядом стоит явно дамская машинка, безумно дорогая, но такая же безумно маленькая. Мой супруг презрительно называет их «косметичка на колесах». Тем не менее к обладательнице такой вот «косметички» он презрения не испытывает, он ее сейчас...

От этой мысли мне становится дурно. Нет, я не смогу!

– Эй, где вы? Стефания Алексеевна?

Вадим берет меня за руку:

– В порядке?

Я молчу. Совсем не в порядке. Сумерки все ступают. Еще немного, и будет совсем темно.

– Ну что, идемте в дом? – Вадим слегка подталкивает меня в спину. – Вы же сами этого хотели.

Входная дверь не заперта. В прихожей мужские и женские вещи, вперемешку.

– Откуда столько мужских ботинок? – невольно удивляюсь я.

– Людмила замужем.

– Замужем?!

– Ну да. А что вас удивляет? Ее муж уехал по делам.

– Мой тоже... Уехал по делам.

– Банальный деловой роман.

– Деловой?!

– Говорите тише, – Вадим прикладывает палец к губам. И, понизив голос, говорит: – Поверьте, я в этом специалист. Львиная доля заказов – неверные супруги. Бывают служебные романы, бывают курортные. А бывают деловые, как у вашего мужа. Так ему проще добиться ее подписи в договоре, а ей приятный бонус к полученному откату.

У меня на губах горечь. Так вот как мой супруг использует мужскую харизму! Делает дамочек сговорчивыми, улаживая их в постели. Еще один способ решить проблему.

Вадим берет меня за руку и тащит к лестнице на второй этаж.

– Вы слышите?

Да, я слышу. Сверху доносятся стоны. Сомнений нет: мужчина и женщина занимаются любовью. Ноги у меня становятся ватными. Стонет почему-то только она. Когда муж занимается любовью со мной, то кричит. Все правильно: это деловой роман. А со мной... Семейный? А есть такие? Надо спросить у Вадима.

– Знаете что, – говорю я ему, – вы идите пока один. Гляньте – что там?

– А так непонятно? – усмехается он. Но кивает: – Хорошо. Я сейчас поднимусь.

И на цыпочках крадется на второй этаж. Я зажмуриваюсь и приваливаюсь к стенке. Теперь я точно уверена: мне не хочется на это смотреть. Надо подождать, пока все закончится.

И тут я слышу женский голос:

– Ты в душ?

– Угу.

Не очень-то он разговорчив! Не понравилось, что ли? Впрочем, и со мной Андрей после секса немногословен. Приняв душ, отворачивается к стенке и тут же засыпает. Господи, прони! Хотя, куда прони, непонятно.

Я стою у первой ступеньки и вся дрожу. И тут вдруг Вадим скатывается с лестницы и шипит:

– Вы идете, наконец?

И я иду. Дверь в спальню открыта. На кровати лежит голая женщина. Увидев меня, она вскрикивает:

– Вы кто?

Вадим остался за дверью. Все правильно: это дело семейное. Он меня пугает, но я должна сделать все сама. Я достаю из сумочки пистолет. А вдруг Андрей сейчас войдет? В душе он обычно моется долго, но кто знает? Надо быть во всеоружии, а то он легко решит очередную проблему. Скрутит меня в один момент и вышвырнет из этого дома.

Увидев оружие, женщина принимается визжать:

– Помогите! Убивают!

Кричит она громко, но, видимо, мой муж ничего не слышит из-за шума льющейся воды. На отчаянный женский крик Андрей не реагирует.

– Я его жена, – говорю я, чувствуя, как голос сел от волнения.

– Жена? Господи! Я что-то такое подозревала! Погодите, я оденусь.

Она торопливо начинает одеваться. Натягивает трусы и лифчик, потом джинсы и футболку. Руки у нее слегка дрожат. Но, видимо, муж прав: я действительно дура. Я дала ей время собраться с мыслями. Потому что, одевшись, она кидается к окну, и принимается орать на всю улицу:

– Помогите! Меня убивают! Эдик!

Я кидаюсь к ней:

– Замолчите!

Она хватается за мою руку, ту, в которой пистолет. Я вдруг вспоминаю уроки самообороны. Ну уж нет! Ей со мной не справиться, как бы она ни старалась! Она отчаянно визжит и даже пытается меня укусить. Я, конечно, йог и знаю, куда бить, но я мелкая. Вот так и понимаешь преимущества роста и массы в ближнем бою! Мы пыхтим, сопим, это не драка, а какая-то возня.

Выстрел раздается неожиданно. Я совсем забыла, что у меня в руке пистолет! Кажется, в пылу борьбы я нажала на курок! Людмила оседает на пол с удивленным лицом, а мои пальцы невольно разжимаются. Пистолет с грохотом падает на пол. Я в ужасе. Освободившимися от оружия руками пытаюсь удержать Людмилу, но она валится на пол. На руках у меня кровь.

– Ты меня убила, – удивленно говорит Людмила и вдруг хрипит. На губах кровавая пена. Все. Я тупо стою у тела мертвой женщины, опустив руки. Мне кажется, что прошла вечность, а не какие-то секунды с того момента, как я нажала на курок.

– Что случилось?! – В комнату вбегает Вадим.

– Где мой муж?

– Не знаю. Был в душе. Стеша, что ты наделала!

От волнения он зовет меня Стешей и без всякого отчества. Какое уж тут отчество! Вадим бросается к Людмиле, а я все также тупо смотрю, как он пытается реанимировать труп. Потом невольно отворачиваюсь к двери. Где же Андрей? В минуту опасности я невольно взываю к мужу:

– Андрей!

И кидаюсь в ванную комнату. Там никого нет. Я бегу на первый этаж, но там тоже никого. Распахиваю дверь на улицу. Машины мужа во дворе нет. Уехал?! Бросил меня?!

Я возвращаюсь в дом и неверными шагами поднимаюсь на второй этаж. У меня еще есть тайная надежда: а вдруг? В спальне живая Людмила, черт с ней, пусть она спала с моим мужем, лишь бы была жива! Я ей все прощу, лишь бы она дышала!

Но в спальне все то же: пол залит кровью, а на полу, в темной луже лежит женский труп.

– Умерла, – севшим от волнения голосом говорит Вадим. – Стеша, подними пистолет, надо его куда-то деть.

Я послушно поднимаю с пола оружие. Из дула пахнет порохом, мне кажется, пистолет еще теплый. Господи, что я наделала?! Трясущимися руками я поднимаю с пола и сумочку, которую в разгар драки с Людмилой выронила из рук.

– Вадим, я не хотела!

– Понятно, не хотела, – он поднимается с колен.

– Представляешь: Андрей уехал!

– Ему не хочется встречаться сейчас с полицией, – хмуро говорит Вадим.

– Почему?

– Есть причина. Я тебе потом скажу. С темным прошлым Воронцова в убийстве вполне могут обвинить его. Он прекрасно это знает. Вот и сбежал.

- С каким еще прошлым?
- Стеша, давай не сейчас. Надо сматываться.
- Я запикиваю пистолет обратно в сумочку. Черт меня дернул стянуть его из сейфа!
- Все, уходим, – Вадим за руку тянет меня к двери.
- А как же она? – Я киваю на лежащую в темной луже женщину.
- Чем ты ей поможешь? – сердится он.
- Она точно умерла? – Я все еще пытаюсь цепляться за соломинку.
- Да.
- Откуда ты знаешь?
- Я раньше в милиции работал.
- Понятно: насмотрелся.
- Тогда надо стереть отпечатки!
- Отпечатки?
- Ну да.
- Что ж... – он протягивает мне носовой платок: – Стирай.
- Я усиленно принимаюсь тереть дверную ручку. Вадим смотрит на меня с грустью:
- Стеша, а ты до нее дотрагивалась?
- Нет.
- Идем отсюда. И не смотри плохие детективы.
- Он тянет меня к двери.
- Тебя кто-нибудь видел? – спрашивает Вадим, когда мы выходим на крыльцо.
- Да. Женщина с собакой. Я с ней даже разговаривала. Не с собакой, с ее хозяйкой.
- Плохо. А вот для убийцы ты держишься неплохо, – неожиданно усмехается он.
- Я еще просто не поняла, что сделала.
- Ты ее убила, Стешенька. Любовницу Воронцова. Это плохо. Да что там! Хуже некуда! Преднамеренное убийство, ведь ты пришла в дом с оружием. Десятка, даже учитывая смягчающие обстоятельства. Это я тебе как бывший мент говорю. Нам надо бы отсюда выйти незаметно, – озабоченно говорит Вадим. – Не на главную улицу... Черт? Ты слышишь?
- Он хватая меня за руку и притягивает к себе. Я слышу, как гулко бьется его сердце. Нет, это в калитку кто-то барабанит и женским голосом кричит:
- Людмила! Что там у вас случилось?! Где Эдик?
- Кто такой Эдик? – еле слышно спрашиваю я у Вадима. – Она его тоже звала.
- Охранник. Нам повезло, что его не было.
- А где он?
- У подружки. Хозяева баиньки легли, и цепной пес решил, что может наведаться к своей сучке, – неожиданно грубо говорит Вадим.
- Людмила! – продолжает надирать женщину за забором.
- Да все у них в порядке, – говорит ей грубый мужской голос.
- Нет, она кричала!
- Трахалась, вот и кричала.
- Сережа, она кричала «Убивают!» – Голос у Людмилиной соседки взволнованный. – Давай все-таки посмотрим?
- А давай Эдику позвоним.
- Пока они вызывают охранника, Вадим тащит меня к забору.
- Надо влезть, – говорит он и толкает меня в спину.
- Я не могу, – ноги у меня ватные. До меня начинает доходить весь ужас содеянного мною.
- Стеша, надо. Ты же сильная. Ну! Давай!

С помощью Вадима я кое-как влезаю на забор. Потом шлепаюсь в траву по ту сторону. Вадим приземляется рядом. Слава богу, за забором трава, а не строительный мусор или какой-нибудь садовый инвентарь. Не хватало еще на грабли наступить!

– Где мы? – шепчу я.

– На соседнем участке.

– И что теперь?

– Соседи барабанят в калитку Людмилы. Поэтому мы можем выйти на улицу через их собственную калитку. За деревьями нас не будет видно. К тому же уже темно.

Что бы я делала, если бы рядом не было Вадима! Вот уж не знаешь, где найдешь, а где потеряешь! Крутой Воронцов оказался трусом! Это тебе не кости людям ломать! Тут отвечать надо по всей строгости закона! А Вадим сказал, что за Воронцовым грехов – полно. Правильно я думала, что мой супруг – сам дьявол. Зато Вадим оказался героем.

С его помощью я незаметно выбираюсь на улицу. Мы торопливо идем, почти бежим к машине. Небольшая заминка у шлагбаума. Вадиму приходится вылезти, чтобы поднять его. В будке охранника, похоже, опять никого нет. Не это ли пост Эдика, который сейчас у своей подружки? Хотя нет. Эдик отсутствует, потому что его вызвали соседи Людмилы. Они сейчас разбираются с ее трупом. Хоть бы с полицией не столкнулись! Наверняка они уже едут!

Когда Вадим садится в машину, меня начинает трясти.

– Что дальше? – спрашиваю я, клацнув зубами.

– Надо избавиться от пистолета.

– Как?

– По классической схеме надо выбросить его в реку.

– Здесь нет реки, – жалобно говорю я.

– Есть пруд. Он достаточно большой и глубокий.

– Да-да, – как болванчик киваю я. – Останови у пруда.

Мы тормозим на берегу. Слава богу, осень сухая, и даже лысая резина на машине Вадима справляется с небольшим подъемом. Мы идем к воде, и я дрожащими руками достаю пистолет из сумочки.

– Бросай, – говорит Вадим, и я, размахнувшись, швыряю оружие в воду. Пистолет мне кажется неимоверно тяжелым, словно бы он набрал вес, когда выстрелил в женщину и убил ее. Всплеск недалеко от берега. Я пугаюсь, но Вадим говорит:

– Сойдет.

– Как я завтра объясню мужу отсутствие в сейфе одного из пистолетов?

– Только это? – Он издает что-то похожее на смешок. – Тебе много чего придется ему объяснить, и, поверь, пистолет – это пустяк.

Я понимаю, что он прав. Как мы с Андреем завтра посмотрим в глаза друг другу? После всего того, что случилось?

– Я даже не знаю, как тебя отпустить домой в таком состоянии, – вздыхает Вадим.

– Я не хочу домой!

– Стеша, когда-нибудь вам придется объясниться.

Мы едем в Москву. На Кольце я жалобно говорю:

– Муж сказал, что вернется поздно. Можно я у тебя пару часиков посижу? Или твоя жена меня прогонит?

– Я не женат.

– А как же ипотека?

– Потому и ипотека. Мою квартиру жена отобрала при разводе.

– И как ты, бывший мент, такое допустил?

– Потому и допустил, что бывший. А она до сих пор там работает. В полиции.

– В полиции? Кем?

– В пресс-службе, не нервничай так.

– Значит, ты сможешь узнать, как идет расследование? Господи, да меня же посадят! – вдруг доходит до меня. – Я убила человека!

– Мы постараемся сделать все, чтобы этого не случилось, – вздыхает Вадим. – Но шансы, честно скажу, невелики. Пистолет мы утопили, но есть свидетель. Тебя видели, Стеша. Ума не приложу, что теперь делать?

– А я тем более.

Поза черепахи

Вадим живет в спальном районе, в новом доме, достаточно далеко от МКАДа. Это однушка, кредит на двушку Вадиму, видимо не одобрили. Дом похож на муравейник, квартирки маленькие. Если мне придется здесь ночевать, то не иначе как на раскладушке, в кухне. Я невольно вздрагиваю. Ночевать!

– Чаю хочешь? – предлагает Вадим, усадив меня на диван. В квартире очень мало мебели. Хозяин еще не обставился, будучи ограничен в средствах, догадываюсь я. Вадим остро нуждается в деньгах, он мне сам дал это понять. – Или ты хочешь чего-нибудь покрепче? Тебя трясет.

– Я не пью. Я же йог.

– И мясо не ешь?

– Мясо ем. Иногда.

– Ты же йог!

– Знаешь, когда Воронцов расправляется с отбивной или терзает зубами кусок шашлыка, поневоле расстанешься с вегетарианством. Муж так смачно это делает, что слюнки текут. Я сколько раз просила Андрея не есть мясо в моем присутствии, но ему любые мои слова – по барабану. А как он пахнет, этот проклятый шашлык! Еду всегда готовлю я, Воронцов даже готовое не может разогреть, так что... – я тяжело вздыхаю. – Но спиртное: ни-ни. Ну, очень редко. И, разумеется, я не курю.

– Понятно. Я тоже не буду пить, ведь мне тебя еще домой везти. А может, заночуешь?

Он смотрит на меня вопросительно. О, как мне знаком этот взгляд! Я прекрасно знаю, что следует потом. Воронцов, у которого не только слова, но взгляд не расходится с делом, за пару секунд срывает с меня одежду, в этом он мастер. «Захочу и трахну!» Вадим этого делать не будет без моего разрешения, он не такой.

– Вообще-то герою положена награда, – говорит он, не сводя с меня глаз. Я невольно краснею. Заниматься любовью с кем-то, кроме мужа, мне еще не приходилось. Я смутно представляю, как это? Да и не хочу представлять, если честно.

Видимо, мой вид достаточно красноречив, потому что Вадим с обидой говорит:

– Понятно. Я ему в подметки не гожусь, да? Еще бы! Такой экстерьер!

– Он мой муж.

– Он – предатель. И изменял тебе направо налево. А ты даже не хочешь ему отомстить.

– Хочу, но не так.

– Стеша, ты мне очень нравишься, – он кладет руку на мое колено. – Ты даже не представляешь себе, какая ты красивая.

Мне становится неловко. Человек меня спасает, а я ему отказываю. Но я ничего не могу с собой поделать. Как мужчина Вадим мне абсолютно не нравится. Ну, ничуть. Хотя он, безусловно, милый.

– Может быть, потом, – мямлю я, отодвигаясь. – Когда мы с Андреем разведемся...

– Что, у йогов нравственные принципы? А как же мясо? Откуда ты знаешь, может, тебе понравится? Муж ведь был с тобой груб. А я буду нежен, – вкрадчиво говорит Вадим.

Перспектива, конечно, заманчивая, но не так уж плохо мне было с мужем, даже когда он меня насиловал. Это был скорее вопрос принципа: я не сказала да. И он перед этим орал: «Убью!» И чуть не сломал дверь в спальню. Именно так и выглядит насилие, когда его описывают или показывают по ящику. Но если об этом забыть и принять во внимание концовку, вид у меня не случайно был на следующий день такой цветущий. Любовник мне не требуется.

– Вадик, прости, – умоляюще говорю я. – Но у нас с тобой чисто деловые отношения. И дружеские, – поспешно добавляю я.

Этот взгляд тоже ни с каким другим не спутаешь, хотя Вадим быстро гасит вспыхнувший в глубине зрачков огонек. «Я тебе это припомню», – называется взгляд. Но у меня есть весомый аргумент для сохранения наших отношений дружескими и деловыми: деньги.

– Я заплачу тебе, сколько скажешь, – поспешно говорю я.

– Какими деньгами? – усмехается он. – Твоей зарплаты не хватит.

– У меня есть драгоценности, подаренные Андреем. Шубы. В конце концов, есть кредитка, куда муж набросал денег.

– А как же принципы?

– Глупо из-за принципов садиться в тюрьму.

– У тебя странная логика, Стеша. Помесь женской и детской. По сути, ты – взрослый ребенок. И в то же время красивая женщина, – Вадим вздыхает. – Я постараюсь с этим справиться. Нет так нет.

Я, заметно приободрившись, спрашиваю:

– Как мы будем меня спасать?

– Я попробую поговорить с твоим мужем.

– Поговорить с Андреем?!

– А у нас есть другой выход? Если он захочет тебе помочь – это уже полдела.

– С какой стати Воронцову мне помогать? Я же убила его любовницу.

– Поверь, я найду аргументы, достаточно весомые. Лучше, наверное, сделать это прямо сейчас. Дай мне номер его телефона.

– У тебя нет номера его телефона?! Ты же за ним следил!

– Дай мне тот телефон, по которому с ним говоришь ты! – злится Вадим.

– Ах да...

Я покорно диктую номер.

– А теперь выйди на кухню.

– Почему?

– Тебе не надо этого слышать. Мы будем говорить по-мужски.

Я сразу пугаюсь, потому что прекрасно знаю, что такое мужской разговор. Во всяком случае, мужской разговор по Воронцову. Результат – гипс. Хотя по телефону-то руку не сломаешь. Но мат мне тоже не хочется слушать. А матерится Воронцов мастерски. Сколько уж раз я зажимала уши! Поскольку Вадим – бывший мент, не сомневаюсь, что и у него богатый арсенал. Мне лучше этот разговор пропустить, Вадим прав.

Я иду на кухню и закрываю дверь. Пару раз все же порываюсь подслушать, но Вадим говорит тихо. «Она теперь моя клиентка». «Да, есть свидетель». «Подробности при встрече». Дальше совсем тихо, а потом отборный мат, так что я шарахаюсь от двери. Вадим заходит на кухню минуты через три.

– И что? – жалко улыбнувшись, спрашиваю я.

Словно в ответ на мой вопрос приходит эсэмэска от мужа: «Заночую на даче».

– Вот, – я показываю Вадиму мобильник.

– Может, позвонишь ему? – Тяжелый взгляд, исподлобья.

– Я боюсь!

– Но хотя бы ответь.

– Да, конечно, – я торопливо набиваю: «Ага». И тут же начинаю себя ругать. Что это за «ага»? Будто я на него и не злюсь вовсе! Но больше я ничего не могу вымучить, мой богатый словарный запас словно бы иссяк после убийства Людмилы.

– Я отвезу тебя домой, – вздыхает Вадим.

– Домой?

– У меня нет раскладушки. А делить постель со мной ты не хочешь. Выбирай: либо мы любовники, либо...

– Либо, – поспешно говорю я. – Вези домой.

– Как скажешь, – он как-то странно улыбается.

Эту улыбку я поняла потом, потому что я овца тупая. Мне еще долго разбираться с мужскими улыбками. Я понимаю, когда они злятся, мужчины. Понимаю, когда орут. Когда одежду срывают, тоже понимаю. Но эти их улыбки! Это нечто! Как-нибудь потом я их обязательно классифицирую, чтобы остальным моим соплеменницам не попадать впросак. Женщина должна понимать: когда мужчина улыбается, ей надо не расслабляться, а, напротив, напрячь мозги и занять боевую стойку. А то получится, как со мной. Поняла бы я раньше улыбку мужа – не оказалась бы в спальне у Людмилы.

Вот и Вадим... Он улыбается, хотя я отказалась делить с ним постель. А должен рыдать? Черт, я совсем запуталась!

Едем мы недолго, хотя едем в центр. Пробки почти уже рассосались. У нас-то с Андреем квартира шикарная. В «сталинке», почти в самом центре. Воронцов расселил коммуналку, чтобы заполучить эту квартиру. На кой черт нам столько комнат, лично я не знаю, мне только лишняя морoka везде прибираться. Отношения с прислугой у меня особые, муж презрительно говорит:

– Непонятно, кто у кого в услужении, ты у домработницы, или домработница у тебя.

Действительно, к приходу Марины я стараюсь успеть сделать как можно больше. Потому что она умеет вздыхать. Между прочим, тоже наука.

– Ой, Стефания Алексеевна, диван какой грязный! Что это вы с ним делали? – Глубокий вздох, начинающийся с буквы «о».

Или:

– Ух, мамочки, посуды-то грязной сколько! – на этот раз на букву «у». Гласных в русском языке много, на каждую комнату хватит, даже на кухню. Так что к приходу Марины я стараюсь помыть посуду и пропылесосить диван. А также постирать и погладить постельное белье, отдать в химчистку костюм супруга, надраить ему ботинки и, разумеется, наготовить еды. Только бы Марина поменьше вздыхала.

Когда Воронцов, отдавая ей деньги, спрашивает:

– Что сделала?

Марина начинает тараторить:

– Вы ж сами видите, Андрей Ильич: посуда чистая, в комнатах не пылинки, борщ на плите, а вон висит ваш костюмчик, без единого пятнышка...

Что касается меня, то я в этот момент молчу и смотрю в пол.

– Степанида? – поворачивается ко мне Андрей.

Я киваю. Молча. Я девушка из бедной семьи, к тому же неполной, мне не привыкать много работать. Я вообще считаю: если вечером не падаю замертво и тут же не засыпаю, значит, день прошел зря. Марине достается, только когда мы в отпуске. И то: собаки ведь у нас нет. Даже кошки. Значит, нет шерсти и некого выгуливать.

Но это все в прошлом, и Марина тоже. Ее, видимо, придется уволить. Мне домработница не нужна, а Воронцов не уволил до сих пор Марину только потому, что за нее заступалась я, и словами, и делами.

Вадиму наш дом чем-то не нравится.

– Буржуи, – цедит он сквозь зубы и со вздохом говорит мне: – Стеша, это не «Мерседес». Сильнее надави на ручку. И вообще не в ту сторону, куда ты сейчас давишь. Беда с вами, с буржуями!

Я кое-как выбираюсь из его старенькой машины. Вообще-то я на метро езжу, когда Величество не соизволит меня подвезти. И за ручку мне от Воронцова достается регулярно, я их всегда кручу не в ту сторону, что в «Мерседесе», что в «Жигулях».

– Куда опять надавила, овца! Ты мне чуть палец не оттяпала! Я на нее табличку закажу, на эту кнопку! С подробной инструкцией! Пусть надо мной в автосервисе ржут! Ну, в каком месте у тебя мозги, Степанида? В жопе?

Я все это пропускаю мимо ушей. Если реагировать на то, как Воронцов меня ругает, можно повеситься. А не ругал он меня, только когда за мной ухаживал с целью жениться. А потом я уже успела в него влюбиться насмерть.

Насмерть! Я невольно вздрагиваю! Неудивительно, что я сегодня в пылу борьбы с Людмилой нажала на курок! С моими-то способностями! Сколько полезных вещей я уже сломала! А теперь вот человек...

Я так раскаиваюсь, что готова немедленно пойти в полицию.

– Не вздумай, – говорит Вадим.

Я вздрагиваю:

– Ты что, мысли читаешь?

– Просто я знал, что, когда ты придешь в себя, именно эта мысль и придет в твою голову. Полуженщины-полуробенка. Пойти в полицию с повинной. Подумай о своей семье.

– Именно этот аргумент ты собираешься выдвинуть Андрею?

– Сообразительная.

С тяжелым вздохом я говорю:

– Да, наверное, ты прав... А когда ты поговоришь с Воронцовым?

– Завтра.

– Интересно, когда он приедет домой?

– Уж этого я не знаю.

К подъезду я иду одна, Вадим меня не провожает. Все правильно: отношения у нас чисто деловые. Провожают любовниц и в щечку их целуют на прощание. А мы ограничиваемся коротким «созвонимся». Я здороваюсь с консьержкой и поднимаюсь к себе на третий этаж. В квартире тишина. Муж ночует на даче. Если даже мне удастся выкарабкаться, мы, скорее всего, разведемся. И где, интересно, я буду жить? После того, как Юлия меня предупредила, я с Воронцовым все-таки поговорила. Набралась мужества и спросила:

– Андрей, а почему ты до сих пор не записал на меня какую-нибудь недвижимость?

– Недвижимость?! – заорал на это Воронцов. – Да ты мне «винды» пять раз сносила! Ты сломала три электромясорубки! Угробила пять пылесосов! До сих пор не пойму, как ты это сделала? Да что там пылесосы, – он махнул рукой. – Победитовое сверло! Я удивляюсь, откуда у тебя столько силы? Ты ломаешь вещи, которые кажутся неубиваемыми!

– Я картину хотела повесить!

– У тебя что, мужика в доме нет?!

– Да ты только и делаешь, что орешь!

– Мамачки, – Воронцов взялся за сердце. – Она со мной еще и спорит!

– И при чем тут недвижимость? Какая связь с пылесосами?

– Да притом, что ты ни одной инструкции прочитать до конца не можешь! А тут целый договор купли-продажи! Да ты эту недвижимость через три дня подаришь собачьему приюту! Тебя, дуру, любой обведет вокруг пальца с твоими-то куриными мозгами! Все, что ты умеешь, это варить борщ и жарить котлеты!

– Неправда! Я йог!

– Если ты освоила позу овцы, это еще не значит, что ты йог, – съехидничал супруг.

– Нет такой позы!

– Есть, милая, – он рывком развернул меня к зеркалу: – На, смотри!

– А ты бегемот, Воронцов! И животное!

– Озвереешь с тобой. В общем, так. Семейный устав: муж всегда прав, пункт первый. Пункт второй: если муж не прав, смотри пункт первый.

– Ты всегда так говоришь! На любую мою просьбу!

– Надо же! Запомнила! Вот и живи с этим. Все. Отправляйся в постель. С этим ты тоже неплохо справляешься, потому я до сих пор тебя и терплю.

Вот и весь разговор. А я теперь останусь без квартиры. Я невольно втягиваю голову в плечи и становлюсь похожа на черепаху, которая спряталась в свой панцирь. Так и живи теперь, Степанида Алексисовна! Может быть, позвонить Воронцову? Нет, не стоит. Он на меня зол. Даже ночевать домой не приехал. Интересно, что он сказал Вадиму, если опустить все матерные слова? Потому что костерил он меня нещадно, я в этом уверена.

Я ложусь в постель и пытаюсь уснуть, но даже пранаяма не помогает. Вообще ничего. Промучившись два часа, я все же набираю номер Андрея. Сначала гудки, потом он сбрасывает мой звонок. Теперь я понимаю, насколько близка к разводу. И к тюрьме.

Мне удастся уснуть только под утро. Утром я звоню в клуб и отменяю все свои занятия. Поскольку я никогда еще этого не делала, меня прощают. Александр Иванович заботливо спрашивает:

– Стеша, ты заболела?

– Да, – вру я и краснею. Хорошо, что по телефону этого не видно.

– Ладно, лечись.

– Скажите, а...

Мне хочется спросить: «А вы не видели сегодня Воронцова?» Вдруг Андрей с утра решил позаниматься фитнесом? Мне очень хочется знать, где сейчас муж? Но я представляю себе, как это будет выглядеть, если я спрошу «где Воронцов?» у хозяина фитнес-клуба!

– ...а кто меня заменит, Александр Иванович?

– Скорее всего, Вика.

– Это хорошо.

Весь день я лежу в постели, будто и в самом деле больна. У меня ощущение, что я повисла на веревке между небом и землей или, скорее, между раем и адом. Причем рай, он очень земной. Это просто наша с Андреем квартира и жизнь в ней, как раньше. Я мечтаю, как было бы хорошо, если бы я не стала его выслеживать, не поехала бы домой к Людмиле, не стреляла бы в нее... Почему до сих пор не изобрели машину времени? Хотя бы радиусом действия в одни сутки. Всего одни. И я бы успела. Я бы вернулась во вчерашний день, позволила Вадику и сказала:

– Да, я передумала.

И все.

Входная дверь хлопнула неожиданно, хотя я весь день этого ждала. У меня еще оставалась надежда, что это Степан Андреевич, у которого есть ключи. А что? Маму решил проведать. Хотя он этого никогда не делает без предварительного звонка.

Муж стоит на пороге нашей спальни. Я невольно сжимаюсь в комочек и натягиваю на голову одеяло. Сейчас Андрей будет орать и бить меня. Но он молчит. Просто стоит и молчит.

– Андрей? – Я робко выглядываю из-под одеяла.

У него такой вид, будто он видит меня впервые.

– Где ты взяла пистолет?

– У тебя в сейфе.

– Так. А куда ты его дела после того, как... – он недоговаривает фразу и невольно морщится.

– Бросила в воду.

– Значит, правда.

– Прости меня. Я не хотела.

– Не хотела?! – Он впервые повышает голос. – Да ты... – он вдруг пятится назад.

Я вскакиваю с постели.

– Не подходи... – он смотрит на меня с ненавистью.

– Андрей, я виновата, но...

– Я сказал: не подходи.

– Ты, наверное, есть хочешь?

– Что?

– Я разогрею.

– Я ничего не хочу.

У меня ступор. Воронцов не орет. Не матерится. Не хочет есть.

– Ты разговаривал с Вадиком, да?

– Еще и Вадик? – Он брезгливо морщится. – Я вижу, ты с мужчинами на «ты». Со всеми.

– Нет. Просто мы...

Я не знаю, что сказать. Выслеживали тебя? Прятали вместе оружие? Удирали с места преступления и потому теперь на «ты»?

– Ты ведь тоже виноват, – нахожу я наконец нужную фразу.

– Что?!

– Эта твоя Света. Другие женщины.

– Ты ревнуешь, что ли? Так это твоя ревность – причина того, что вчера случилось? И не только вчера?

– Да.

– А пистолет-то зачем? Хотя... После того, как ты меня ударила... Я не понимаю: с кем я жил все эти годы? Ты притворялась, что ли? Овцу из себя изображала. Хорошую такую девочку. Глупенькую, наивную, влюбленную в своего мужа. А я ведь верил! Вот дурак!

– Я и в самом деле тебя...

– Замолчи! – обрывает меня муж и уходит на кухню.

Я стою в огромном холле, переминаясь с ноги на ногу. Ноги мои босы, но я не чувствую холода. На стене, прямо передо мной висит картина. Я ее все-таки повесила. Второе сверло оказалось прочнее. Это абстракция, я купила ее на выставке в краеведческом музее, у себя на родине. Раз я буржуйка недорезанная, мне надо поддерживать малоимущие таланты. Я частенько принимаю участие в благотворительных аукционах, жертвую деньги в разные фонды и помогаю больным детям. Материально, но и в больнице могу подежурить, если что. И это не притворство. Можно сказать, что я впервые оступилась. И то: я ведь не хотела ее убивать! На курок я нажала в пылу борьбы. Неужели Андрей этого не знает?

Я упорно смотрю на стену, где рукой провинциального художника изображены какие-то спиральки, завитушки и завихрения. Картина называется «Любовь». Не знаю, что меня в ней так зацепило, раз я именно ее купила? Увидела свою судьбу? Меня и в самом деле подхватил какой-то вихрь. И несет, несет...

– Иди сюда, поговорим, – раздается из кухни голос мужа.

Я опрометью бросаюсь туда. Андрей сидит за столом, выложив на него свои тяжелые кулаки. «Может быть, все-таки ударит?» – думаю я с надеждой. Бьет – значит, любит. Это значит, что наши с ним отношения сдвинулись с мертвой точки. Я опять овца, которую надо учить, а не притворщица, о которую даже руки марать неохота.

– Садись, – он кивает на стул напротив.

Раньше бы он сказал:

– Ты почему босиком? Простудиться хочешь? А ну немедленно марш за тапками!

Но теперь он этого словно не замечает. Он больше обо мне не заботится. Я уныло бреду к стулу и сажусь на него, поджимая ноги. Хотя полы у нас на кухне с подогревом. Но меня со вчерашнего дня знобит.

– Надо поговорить. Говорить буду я, мне твои оправдания не нужны. Я видел и слышал достаточно. Женщина, которая столько лет виртуозно врала, легко выдержит часовую очную

ставку. Я тебе опять поверю, поэтому молчи. – Я согласно киваю. – Я принял решение. Ты моя жена. Даже если ты кого-то убила, я буду тебя защищать. Потому что я твой муж. Жить мы отныне будем раздельно. После того, как я разгребу то дерьмо, в которое ты вляпалась, – он морщится. – Во время этого процесса мне, скорее всего, понадобится твоя помощь. – Я опять киваю. – Послушная, молодец, – усмехается муж. – Эта-то твоя покорность и сбила меня с толку. Кто бы мог подумать, что я пригрозил на груди змею?

У меня с языка чуть не срывается «а сам-то?», но мне велено молчать.

– Как я понял, у нас команда. Я, ты и... – он передергивается. – Этот хмырь, который изображает из себя крутого детектива. На самом деле он м... Думаешь, так трудно найти пистолет?

– Тебе виднее.

– Вот именно, – многозначительно говорит супруг. – Что против тебя? Насколько я понял, свидетель?

– Да. Женщина с собакой. Она меня видела, когда я стояла под фонарем.

– Надеюсь, собака?

– Нет. Обе. Ее хозяйка тоже видела. Я даже с ней разговаривала.

– Очень жаль. Какого черта ты торчала под фонарем? Бережись убивать – хотя бы не светись при этом.

– Я не хотела ее убивать.

– Так получилось, да? – язвит супруг. Теперь он более или менее на себя похож, и я невольно улыбаюсь. – Хватит лыбиться! И сказки мне не рассказывай! Со свидетелем надо что-то решать.

Я пугаюсь.

– Надеюсь, ты ее не...

– Хочешь навязать мне свой метод решать проблемы? В этом ты преуспела. Есть и другие способы. Деньги. Это первое. Но особняки там солидные. Не думаю, что она будет молчать за деньги.

– Собака?

– Хватит дуру из себя строить! Можно сыграть на ее неприязни к полиции. Богатые погоны не любят, если, конечно, сами не такие. Это мы выясним. В конце концов, есть женская солидарность.

– Так я ведь женщину убила! – напоминаю я.

– Плохо! – ругает меня муж. – А может, они по-соседски не ладили? Надо это тоже выяснить. Потом: можно запугать, – он по привычке расправляет плечи.

– Так у нее же собака! Большая, между прочим.

– Плохо, – он тяжело вздыхает. – Собака – это не кошка.

– Вот именно, – поддакиваю я.

– Можешь ты помолчать?

– Молчу.

– Другая проблема, более серьезная, сама полиция. Надо бы криминальные новости почитать.

– А если тебя вычислят?

– Кто?

– По паспорту. Ты ведь планшет на себя оформлял. И с него полезешь в Инет.

– Ты совсем дура?

– Что, не с него?

– Ну, полезу, и что? У нас криминальные сводки читать запрещается?

– А я вот не буду их читать.

– Зачем тебе? Ты у нас ньюс-мейкер!

- Что ж? Молчу.
- Вот и молчи. С полицией надо что-то решать.
- У Вадика жена в пресс-службе работает. И сам он бывший мент.
- Я догадался. – Муж почему-то матерится. Хотя должен бы порадоваться. – У меня в полиции тоже есть связи. Третье – машина. На которой ты туда приехала.
- А что машина?
- Надо с ней разобраться.
- Так ты скажи Вадиду – он разберется.
- Вадик у нас на все руки? – злится Андрей. – Ну и как он трахается?
- Я не знаю.
- Сама невинность! То-то он кинулся вытаскивать тебя из дерьма. Я так понимаю, бескорыстно.
- Почему? За деньги.
- А они у тебя есть?
- У тебя есть.
- У меня-то есть, – Андрей смотрит на меня как-то странно. – В общем, проблем не счастье. Да еще моя работа. Там завал.
- Венгры приедут? Или в Белоруссию смотаться?
- Предлагаешь свои услуги?
- А чем я хуже Светы?
- Да, к счастью, есть Света. Которая меня прикроет.
- Ты на ней женишься, да? Когда мы разведемся?
- С чего ты взяла? – удивленно смотрит на меня Андрей. – Я вообще больше не женюсь. Никогда. И потом я сказал: официально мы с тобой не разведемся. У нас Степан Андреевич.
- Он уже взрослый. Сам в состоянии развестись.
- Не лезь в мои отношения с сыном! Или ты замуж хочешь? Спать я тебе, кстати, с Вадиком не запрещаю. Или с кем другим... Ах да! Есть еще ее муж! Как это я забыл про главное действующее лицо? Как у вас с ним?
- Я его еще не видела.
- Ну, понятно! Но этот будет молчать по известной причине. К тому же я с ним поговорю. «А с Борисом я поговорю».
- Андрей! Не делай этого!
- Тебе что, его жалко?
- Все сразу догадаются!
- Ах, вот в чем причина! – Он сжимает кулаки. – Нет уж, милая. Вот в это ты не лезь. Это моя война. Ты свое дело сделала. Теперь будешь делать то, что я говорю.
- Но...
- Молчи! – рявкает он. – Последний вопрос: где ты будешь жить? Здесь или на даче?
- Может быть, мы пока вместе проживем?
- Да я тебя видеть не хочу после того, что ты натворила!
- Я не вожу машину. А мне надо ездить в клуб. Я там работаю.
- Кстати, где вы с ним познакомились?
- Я поняла, что он имеет в виду Вадима.
- На работе.
- Понятно. Я так и думал.
- Вообще-то я ему сначала написала по Инету...
- Дурак я, что до сих пор не узнал адреса твоей электронной почты!
- Тебе сказать?
- Да уж поздно. Я даже не думал, что ты заходишь на такие сайты.

– Было-то всего один раз.

– Ой ли?

– Я четверть века всем была довольна.

– И чего на тебя нашло?

– Юля сказала.

– Так и знал! – Тяжелый кулак обрушивается на столешницу. Подпрыгнула вазочка с печеньем, жалобно задребезжали чашки. – Уж мне эти твои подруги! Вот где зло! Завистливое бабье! Предупреждал ведь ее! Не лезь в мою семью! Не послушалась, сука! Мне надо перестать играть в благородство! Надо было ей вмазать, тогда бы до нее дошло! Нет же! Бить бабу?

– Меня бил, – напонила я.

– Это когда?

– Когда я спросила о проститутках.

– А ты не поняла, за что?

– Нет.

– Ладно, проехали. Значит, план действий составлен. На дачу перееду я, поскольку у меня машина. Надо подумать о покупке второй квартиры.

– Мне можно маленькую.

– Любовник о тебе позаботится.

– Что, вообще не купишь мне квартиру?

– Подумаю. Я еще не до конца пришел в себя. Мне, определенно, надо бабу. Я же должен чем-то крыть?

– Может быть, лучше убьешь кого-нибудь?

– Мы еще шутим! Нет, милая. У меня будет любовница. Официальная. Я вас даже познакомлю.

– Я не буду с ней знакомиться!

– Куда ты денешься? Все. На этом точка. Иди собери мне вещи. – Я направились было к двери. – Нет! Стой! – Я обрадовалась: неужели передумал? – Поскольку ты мне теперь не жена, то есть мы женаты чисто формально, то не утруждайся. Сам все сделаю.

Я пожалала плечами: сам так сам. Воронцов сам даже готовые котлеты с картошкой разогреть не может. Через минуту он уже орет:

– Где мой чемодан?!

Я молча показала ему, где лежит самый большой чемодан. Мой, разумеется, маленький. Не прошло и минуты, как раздался вопль:

– Куда ты засунула все мои носки?!

– Они лежат там, где всегда лежали.

– Они всегда лежали у моей кровати!

– Одна пара, – спокойно сказала я. – Чистые, чтобы ты их надел. Но я так понимаю, что сейчас тебе надо семь пар? На всю неделю?

– Да!

– Трусы сразу давать или ты попробуешь поискать их там, где они всегда лежат?

– Замолчи! Давай!

Точно так же мы собирали и все остальные вещи Воронцова. Он может орать сколько угодно, но в быту он – ребенок. Это касается и картины. Воронцов, конечно, может ее повесить, как может починить кран и выкопать яму под мусор. Но моему мужу всегда некогда. Я воспринимаю это нормально: человек деньги делает. Но как он будет жить один на даче, не представляю. Если только тут же заведет любовницу.

– Будешь заводить любовницу, – на всякий случай сказала я, – проверь: хорошо ли она готовит.

– Мы в ресторане будем ужинать!

– А завтракать? И учти: там химчистки поблизости нет. Дом сторож топит, газоны садовник стрижет. Что же касается домработницы...

– Что, вторая Марина?! – в ужасе смотрит на меня Воронцов.

Я молчу.

– Понятно, – мрачно говорит супруг. – Ты это нарочно. Подсадила меня на свои котлеты. И избаловала прислугу.

Он берет битком набитый чемодан:

– Все, я пошел.

Я молчу.

– Пошел я, говорю.

– Иди.

– Если ты мне понадобишься...

– Я на телефоне.

Понадобилась я ему уже через минуту, потому что он позвонил из лифта:

– Слушай, а я бритвенный прибор взял?

– Я тебе положила опасные бритвы, целую пачку. На даче есть электробритва.

– Черт! Забыл! – Он дал отбой.

Я спокойно положила телефон рядом с собой. Это будет продолжаться бесконечно. Пока Воронцов не заведет заботливую любовницу, вторую меня. Он говорит, что такого добра – пруд пруди. Посмотрим.

Вот так мы развелись.

Во всяком случае, муж пообещал решить и мою проблему тоже.

Поза орла

А на следующий день начало твориться такое... Хорошо, что в сетке моего клубного расписания был выходной, иначе я бы с ума сошла от такого количества пропущенных телефонных звонков. Я уже не говорю об их важности.

Первым позвонил сын. То есть первым, конечно, был Воронцов, он и не переставал звонить с тех пор, как мы с ним развелись, пусть и неофициально. Разумеется, он забыл зарядник, где лежит сахар, а где соль, сколько минут надо разогревать пиццу в микроволновке. Интересно, чем вообще забита его память?

– Инструкцию читай, – ехидно сказала я. – На коробке все написано.

– Дура! Без тебя обойдусь! – рявкнул супруг, но через три минуты позвонил опять, потому что забыл, как зовут домработницу не-Марину.

Я сказала, на всякий случай, держа молчащий телефон возле уха, потому что знала: через три минуты Воронцов позвонит опять, потому что не знает, как зовут садовника и сторожа. А также соседей. Они «идиоты, которые слишком близко к забору построили бассейн», но теперь с ними придется общаться, они ведь наверняка спросят:

– А где Стеша?

А Воронцову надо узнать кучу полезных вещей, раз он собирается жить на даче. И вообще без меня. Что касается домработницы, которая, по мнению Воронцова, приходит по выходным, в субботу и в воскресенье, тут тоже не все так просто. На самом деле я ее видела раза три за все лето, потому что все предпочитаю делать сама. И хотя дом большой, но без йоги я справляюсь. Если по часу в день не уходить в астрал и вместо этого заняться домашними делами. Насчет садовника тоже засада. Газон в последний раз косила я. Да и в предпоследний тоже. Воронцов в это время дрых, объевшись шашлыка и тяпнув водки. Спиртное его вырубает, да и на работе муж здорово устает. Что касается меня, то я не пью, а когда наемся шашлыка, меня тянет покосить. А дом топить – это вообще мое, святое. Андрей Ильич с этим, безусловно, справится, всего лишь котел. Инженерная мысль у мужа работает, это вам не соль с сахаром найти.

– А где... – в очередной раз услышала я, но тут на второй линии раздался звонок, и я невежливо прервала Величество:

– Повиси пока.

– Здравствуй, мама, – раздался в телефоне голос, услышав который я готова визжать от восторга. Потому что я люблю Степана Андреевича больше, чем его отца, который заставил мое сердце остановиться. И не скрываю этого. Но Степан Андреевич – единственный мужчина, к которому меня не ревнуют.

– Привет, Степан Андреевич!

– У вас с папой все в порядке?

– Да, а что? – сказала я с легкой заминкой. Сыну вовсе не обязательно знать о наших проблемах, какими бы серьезными они ни были.

– Дело в том, что он мне звонил и задавал странные вопросы.

– А именно?

– Как я отношусь к тебе, как я отношусь к разводам... Вы что, разводитесь? – с тревогой спросил сын.

– Нет, что ты!

– Тогда что у вас случилось?

– Да пустяки, сынок. Папа все разрулит, ты же знаешь.

– Если нужна моя помощь, ты только скажи.

– Нет, все в порядке. Мы прекрасно справимся сами.

– Как ты себе чувствуешь? – вежливо спросил сын.

- Отлично! Я же йог.
- Типа да, – он хмыкнул. Это отец его настропалил. С презрением относиться к моему хобби.
- Ну а как у тебя дела?
- Да все нормально. Как обычно. Вы там смотрите... – И после паузы: – Мама...
- Да, сынок?
- Я очень тебя люблю.
- Я замерла. Он никогда мне раньше этого не говорил, даже когда был маленький.
- Я так и сказал отцу. Мама? Ты меня слышишь?
- Да.
- Может показаться, что он мне гораздо ближе, чем ты. Но я его больше уважаю, чем люблю, а тебя...
- Больше любишь, чем уважаешь. Понятно.
- У тебя странное чувство юмора, мама, но я привык, – по-взрослому сказал Степан Андреевич. – Я, пожалуй, приеду. Мне все это не нравится.
- Нет! То есть я всегда рада тебя видеть, но дело в том, что папа... У нас на даче ремонт, и отец теперь живет там, – нашлась наконец я.
- Хорошо, я навещу вас обоих. – Судя по тону моего сына, я поняла, что он обо всем догадался. Степан Андреевич очень умный, но в эмоциях сдержанный. – До встречи, мама.
- Он дал отбой, и я услышала в трубке разгневанный голос мужа:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.